

Иван Васильевич Петров

УДК 227.85

канд. ист. наук, ст. научный сотрудник
Института истории СПбГУ

(Университетская набережная, 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034)
i.petrov@spbu.ru; ivanpet1990@hotmail.com

***Протоиерей Павел Калинин:
русский священник и эстонский епископат
в годы второй мировой войны***

В статье рассматриваются процессы, происходившие в среде православных приходов во время Второй мировой войны и нацистской оккупации стран Балтии с марта 1941 г. Ряд епархий, где преобладали этнически русские или смешанные приходы, не поддерживали идею воссоединения 1941 г. Протоиерей Павел Калинин, служивший в кафедральном соборе Нарвы, находился в конфликте с епархиальным архиереем — епископом Павлом (Дмитровским). Их взаимное непонимание и нерешенность вопроса с назначением священника Калинкина настоятелем собора в Нарве привели в конечном итоге к разделению между приходами. Протоиерей Павел Калинин сумел организовать отход целой группы духовенства от власти епархиального архиерея и переход под власть митрополита Таллиннского и Эстонского Александра (Паулуса), который восстановил в условиях нацистской оккупации собственную юрисдикцию, выйдя из подчинения сторонников Москвы. Также рассмотрена его дальнейшая деятельность в связи с организацией эвакуации в эстонскую столицу в связи с наступлением Красной Армии. Статья основана на материалах Национального архива Эстонии и Архива Эстонской Православной Церкви.

Ключевые слова: православная Церковь, Эстония, Вторая мировая война, Прибалтийский экзархат, Павел Калинин

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук № МК-4539.2021.2 «Попытки отделения православных приходов Беларуси, Латвии и Эстонии от Русской Православной Церкви в 1941–1991 гг.»

IVAN VASIL'EVICH PETROV

PhD in History, senior researcher, Institute of History,
Saint-Petersburg State University
(7–9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia)
ivanpet1990@hotmail.com; i.petrov@spbu.ru

*ACTIVITIES OF ARCHPRIEST PAVEL KALINKIN DURING
THE SECOND WORLD WAR AS FACTOR
OF PARISH DIVISION IN THE NARVA DIOCES*

The article examines the processes that took place among Orthodox parishes during the Second World War and the Nazi occupation of the Baltic countries from March 1941. Cathedral of Narva, was in conflict with the diocesan bishop — Bishop Paul (Dmitrovsky). Their mutual misunderstanding and the unresolved issue with the appointment of priest Kalinkin as rector of the cathedral in Narva ultimately led to a division between the parishes. Archpriest Pavel Kalinkin managed to organize the departure of a whole group of clergy from the power of the diocesan bishop and the transition to the power of Metropolitan Alexander (Paulus) of Tallinn and Estonia, who restored his own jurisdiction under the Nazi occupation, leaving the subordination of Moscow's supporters. His further activities in connection with the organization of evacuation to the Estonian capital in connection with the offensive of the Red Army are also considered. The article is based on the materials of the National Archives of Estonia and the Archives of the Estonian Orthodox Church.

Key words: Orthodox Church, Estonia, World War II, Baltic Exarchate, Pavel Kalinkin

The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for young candidates of sciences No. MK-4539.2021.2 «Attempts to separate the Orthodox parishes of Belarus, Latvia and Estonia from the Russian Orthodox Church in 1941–1991».

Период Второй мировой войны и нацистской оккупации стал для Русской Православной Церкви временем во многом переломным и определяющим. Следует отметить, что в начале войны процессы советизации стран Балтии, Бессарабии, Северной Буковины и Восточной Польши вызвали непосредственное участие части епископата и духовенства РПЦ в процессе воссоединения всех православных приходов «новых» территорий с Москвой. Естественно, подобного рода события не могли вызвать однозначной реакции у православного духовенства и мирян, которые и так были невероятно поляризованы в межвоенное время. Во многом «показное» покаяние со стороны епископов Польской, Латвийской и Эстонской Православных Церквей в столице СССР не решило задачи настоящего «объединения» приходов.

Время нацистской оккупации принесло другие, во многом альтернативные процессы в жизнь православных приходов Балтийского региона. Хочется отметить, что в данном случае наблюдался обратный процесс, когда ранее заявлявшие о своем «возвращении» представители епископата всячески старались восстановить собственную церковную власть и доказать свою правоту перед оккупационной администрацией. В данной ситуации более ретивые и искренние сторонники Москвы периода середины 1939 г. — середины 1941 гг. стали трактоваться как противники новой гражданской власти.

Существует вполне устоявшаяся в историографии традиция, согласно которой с приходом немцев линия противостояния сторонников сохранения канонического единства с церковными властями в Москве проходила по линии национальной или национально-территориальной, т. е. условно, на территории, где доминировало русское население, были популярны «промосковские» настроения, а там, где этого не отмечалось, был высокий процент смешанных или «национальных», титульных приходов, которые перешли в «восстановленные» в условиях нацистской оккупации юрисдикции.

Наиболее показательным примером в данном случае является Эстонская Апостольская Православная Церковь, или Эстонская митрополия. Возглавлявший ее с 1920 г. митрополит

Таллиннский и Эстонский Александр (Паулус), в 1923 г. при поддержке светских властей поменял юрисдикцию и перешел в подчинение Константинопольского патриархата. Довольно четкий и в целом ряде вопросов жесткий курс митрополита и его окружения, в том числе в период режима православно-го по вероисповеданию главы государства Константина Пятса, имел многочисленных противников, в особенности среди мирян Печер (Петсери) и Нарвы. Важно отметить, что избранный митрополитом Александром курс диаметрально противоположно рассматривается и современными историками, и церковными деятелями тех лет. Оценки разнятся от критического подхода¹ до принятия и объяснения причин произошедшего перехода², и только небольшое количество работ представляет собой попытку рассмотреть вопрос объективно³. Советизация Эстонии привела к отказу митрополита Александра от своего курса и принесения покаяния в Москве в марте 1941 г. Событие это было не его искренним шагом, о чем говорят дальнейшие действия митрополита, а скорее желанием защитить многих духовных лиц и мирян республики от репрессий. После захвата территории Эстонской ССР вермахтом и установлением жесткого оккупационного режима митрополит Александр постепенно изменил свою позицию и вышел из подчинения представителя московских церковных властей — экзарха Прибалтики, митрополита Виленского и Литовского Сергия (Воскресенского). Сторонники последнего из приграничных с РСФСР районов противились данному решению. К тому же за экзархом пошел и епископ Нарвский

¹ Иляшевич В. Н., Мянник С. Г. Архипастыри земли Эстонской ХХI столетия. Таллинн, 2013; Православие в Эстонии. Т. 1. Исследования / Под ред. прот. Н. Балашова, С. Л. Кравца. М., 2010; Прекуп И., прот., Балашов Н., прот. Проблемы православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатома «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллинн, 2013.

² Григорий Д. Папатома, архим. Несчастье быть маленькою церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллинн, 2007.

³ Гаврилин А., Пазане Б. Православная Церковь в XX столетии в балтийских странах: Эстония, Латвия, Литва // Православная Церковь в Восточной Европе. Киев, 2010. С.263–287; Мусаев В. И. Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб., 2018.

Павел (Дмитровский). Однако рукоположенный в сан епископа в 1930-е гг. бывший нарвский протоиерей, владыка Павел не у всех духовных лиц Нарвы пользовался должным авторитетом, что стало причиной разделения внутри местных приходов. Наиболее показательной фигурой в этом сопротивлении стала личность протоиерея Павла Калинкина.

Следует сказать несколько слов о начальном периоде служения этого пастыря. Будущий священник Павел Петрович Калинкин родился 25 января 1880 г. в селе Логоза Дерптского уезда Лифляндской губернии в семье русского крестьянина (Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата (далее — ЭПЦ МП)⁴. Окончив начальное 5-классное училище Министерства народного просвещения в 1894 г., Павел Калинкин обучался в Юрьевской учительской семинарии. В 1905 г. он окончил экстерном Богословские курсы при Санкт-Петербургской Духовной семинарии.

В 1904 г. Павел Петрович был повенчан с девицей А. Г. Гордеевой. В браке у супругов появилось на свет четверо детей. В 1921 г. священник Павел Калинкин овдовел⁵.

В послужном списке отца Павла Калинкина значится, что с 1898 по 1908 г. он являлся учителем церковных школ Санкт-Петербургской епархии. Архиепископом Финляндским и Выборгским Николаем (Налимовым) Калинкин в сентябре 1904 г. был рукоположен в сан диакона. Через четыре года, 11 августа 1908 г., епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии Кирилл (Смирнов) рукоположил диакона Павла Калинкина во иерея⁶.

29 июня 1908 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладонский Антоний (Вадковский) определил пастыря к Нарвской Братской Свято-Владимирской церкви — школы. После революционных событий 1917 г. митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) перевел отца Павла к придворной церкви в Слуцке (Павловске)⁷. В 1920 г. Павел Калинкин был возведен в сан протоиерея.

⁴ Павел Калинкин. Л. 1.

⁵ Павел Калинкин. Л. 1.

⁶ Павел Калинкин. Л. 1.

⁷ Павел Калинкин. Л. 2.

В 1921 г. священник Павел Калинин вернулся на территорию Эстонии, в ту же Свято-Владимирскую церковь Нарвы. В межвоенной Эстонии пастырский путь отца Павла складывался довольно успешно. В 1932 г. он был награжден золотым наперстным крестом с украшениями, а в 1938 г. — палицей Синодом Эстонской Апостольской Православной Церкви. В 1937 г. митрополит Александр (Паулус) назначил протоиерея Павла Калинкина вторым священником в Кафедральный собор Нарвы, с сохранением прихода в Братской церкви⁸.

Переписка между митрополитом Александром и протоиереем Павлом Калинкиным существовала и в межвоенное время, и в год советизации Эстонии, в частности, в период «юбилейных дат». В сентябре 1920 г. протоиерей Александр Паулус собором Эстонской Православной Церкви был избран архиепископом Таллиннским и Эстонским. Впоследствии это назначение было утверждено Патриархом Московским и Всея России Тихоном (Беллавиным). 5 декабря того же года в Александро-Невском соборе эстонской столицы архиепископ Псковский и Порховский Евсевий (Гроздов) и архиепископ Финляндский и Выборгский Серафим (Лукьянов) хиротонисали священника в архиепископа Таллиннского и Эстонского. Последнее крупное юбилейное празднование этой хиротонии состоялось в самом конце 1940 г. В тот период республика уже активно чувствовала советизацию, в том числе процессы, связанные с советской религиозной политикой.

Многие священники Эстонии писали в период юбилейной годовщины письма митрополиту Александру с выражением поддержки архипастыря. Одним из тех, кто написал письмо архиерею, был и нарвский священник отец Павел Калинин. Именно в его письме можно увидеть оба лейтмотива эпохи: поздравления митрополита с одной стороны, и опасения по поводу будущего православных приходов в республике, с другой стороны. 4 декабря 1940 г. протоиерей Павел Калинин писал митрополиту Александру (Паулусу) в связи с 20-летней годовщиной его архипастырского служения следующее: «Позвольте принести Вам сыновнее приветствие

⁸ Об этом см.: Павел Калинин. Л. 2.

в день Вашей архиерейской хиротонии. Да вознаградит Вас Господь миром и духовной радостью за Ваше поистине жертвенное служение православному народу Эстонии в течении минувших 20 лет. Храни Вас Господь и помилуй». В посткриптуме отец Павел отметил: «Усердная к Вам просьба известить меня, подлежат ли национализации наши храмы. Дома Преображенского собора и Владимирского братства уже взяты. Взяты, по-видимому, и собор. Он не поименован в Правительств. Вестнике, но его крепостной № обозначен. Собор имеет свой отдельный от дома номер, хотя и расположен рядом с отобранным домом. По справкам из Нарв. Городской Управы храмы подлежат национализации. Так ли это? Только что был у меня Васкарнский церковный староста Д. М. Махов. Он сказал мне, что в их храме местные власти начали уже проверку инвентаря. Такие же сведения поступают и из Усть-Нарвы. Нельзя ли просить кого следует приостановить, если возможно, национализацию церкви. Вот это же вызывает большие волнения в приходах (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 416. L. 39-39-app.).

За период межвоенного служения, о чем говорят материалы как светских, так и церковных архивов Эстонии, особых конфликтов у протоиерея Павла Калининского со священноначалием не наблюдалось. Изменилась ситуация с началом войны между Советским Союзом и третьим рейхом и оккупацией ЭССР.

Во главе Нарвской епархии в то время стоял епископ Павел (Дмитровский). Кафедра эта вдовствовала с 1929 г., после кончины архиепископа Нарвского и Изборского Евсевия (Гроздова). На протяжении восьми лет Нарвская кафедра находилась в прямом подчинении главы Эстонской Апостольской Православной Церкви митрополита Таллиннского и Эстонского Александра (Паулуса). С конца 1935 г. в качестве основного кандидата на кафедру рассматривался настоятель Преображенского собора Нарвы протоиерей Павел Дмитриевский. Первоначально его поддержал Нарвский Епархиальный совет, однако Малый собор представителей монастырей, благочинных, членов Синода ЭАПЦ в июле 1936 г. постановил, что кандидатура Дмитриевского будет одобрена при условии поддержки со стороны всех русских приходов епархии⁹. Большой собор ЭАПЦ, на котором присут-

⁹ Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Пав-

ствовал архиепископ Финляндский Герман (Аав), состоялся 8–10 июня 1937 г. Тогда протоиерей Дмитровский получил 145 голосов в свою пользу. В октябре того же года прошла епископская хиротония Дмитровского. 17 октября 1937 г. епископ Нарвский Павел (Дмитровский) совершил свое первое архиерейское богослужение (ЕАА. Ф. 1655. № 3. С. 430. Л. 19-арр.).

До занятия территории Нарвы и окрестностей вермахтом каких-либо прямых, видимых конфликтов между епископом Павлом и священником Калинкиным не наблюдалось. Противостояние между двумя церковными деятелями развивалось постепенно, усиливаясь по мере укрепления позиций митрополита Александра (Паулуса) как главы, не признающей московские церковные власти ветви эстонского православия, а епископа Павла — как противоборствующего ему архиерея.

Поводом для будущего противостояния было разное видение обоими бытия нарвских православных приходов. Исходя из переписки между священником Павлом Калинкиным и епископом Павлом, конфликт назревал давно, результатом чего стал запрет протоиерея Калинкина в служении. Тем не менее, в качестве арбитра в разгоревшемся конфликте священник видел митрополита Эстонского Александра (Паулуса).

Началось все еще в конце 1941 г. 16 декабря 1941 г. епископ Павел (Дмитровский) написал письмо протоиерею Павлу Калинкину. В нем он отметил, что 11 декабря прошло заседание Соборного правления, главной темой которого стало награждение регента, диакона Тимофеева и певчих на праздник Рождества Христова. Часть вопросов 11 декабря решена не была, а 12 декабря епископ Павел присутствовать на нем не смог. 12 декабря на правлении присутствовал отец Павел, и решение о вознаграждении было изменено. Мнение епископа Павла по этому поводу было следующим: «И вот оказалось, что вопрос о регенте и певчих, по Вашей инициативе был поставлен и решен иначе, чем 11 декабря. По этому поводу я обязан указать Вам, что решение, вынесенное в присутствии епископа, считается окончательным, и недопустимо вновь рассматривать тот же вопрос в отсутствии епископа. Этого

лом (Дмитровским) в 1938–1939 гг. / публ. Т. К. Шор // Православие в Балтии. 2016. № 4 (13). С. 203.

требует церковная дисциплина и порядок. Поэтому Вам не только не следовало возвращать этот вопрос в мое отсутствие, но если бы другие, светские люди, возбудили его, то Вам, как протоиерею, следовало бы указать на недопустимость такого явления. Я ничего не имею, чтобы возбужденный вопрос, если уж это так необходимо, вновь был рассмотрен, но только с моим участием. В противном случае, я настаиваю и от этого не откажусь, чтобы в протокол было занесено Постановление 11 декабря, по которому регенту назначено 150 р., а певчим 500 р.» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 18).

22 декабря 1941 г. конфликт продолжился. В этот день епископ Павел снова написал письмо протоиерею Павлу Калинин. В нем он сетовал, что, несмотря на прямые указания, высказанные в предыдущем письме, священник ими не только не посчитал нужным воспользоваться, но поступил ровно наоборот. Также епископ Нарвский был возмущен тем, что во время праздничных и соборных богослужений с архиереем отец Павел присутствовал в храме, но демонстративно 21 декабря 1941 г. отказался сослужить главе епархии. Были претензии у епископа Павла и к поведению нарвского протоиерея: «В тот же день и в субботу вечером, присутствуя со мной в алтаре, Вы настолько демонстративно вели себя, что не пожелали со мной поздороваться и принять благословение. По поводу таких многочисленных случаев я много раз убеждал Вас прекратить такого рода действия, указывая, что такое отношение Ваше ко мне возбуждает соблазн молодежи, присутствующей в алтаре и вообще не может содействовать поднятию авторитета среди прихожан, но каждый раз в ответ на эти указания я получаю грубые реплики с Вашей стороны. До каких же пор будет продолжаться такого рода отношение? Кажется, у Вас создалось такое впечатление, что, злоупотребляя моим терпением, Вы можете без конца продолжать в том же духе. Но Вы забываете, что я обязан не только терпеть, но и позаботиться еще о том, чтобы не соблазнить “малых сил”» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 18). Епископ Павел подчеркивал, что у него иссякли силы и слова, для того чтобы переубедить протоиерея Калинин сменить стиль собственного поведе-

ния. Для того, чтобы «не ронять епископского достоинства» и на основании 39 и 55 Апостольских правил, епископ Нарвский запретил протоиерея Павла Калинин в служении «как в храмах, так и в домах прихожан» на две недели, начиная с 22 декабря (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 18). Это запрещение названо первым, с тем прицелом, что, возможно, епископ Павел встанет на более жесткую линию, в случае если священник не поменяет своей позиции.

Итак, епископ Нарвский перешел к запрещению протоиерея Павла Калинин, поняв, что последний пренебрегает его епископской властью, демонстративно показывает собственное неуважение и неподчинение. Естественно, епископ Нарвский догадывался, что отправленные им письма доходили до митрополита Александра в эстонской столице и знал, что последний поддерживает несговорчивого протоиерея, который, по сути, заменил главу Нарвской кафедры для той части духовенства и мирян, которая критически относилась к идее поддержки Прибалтийского экзархата.

Отец Павел Калинин пространно ответил епископу Павлу на его замечания. Сам он посчитал, что обвинения в его адрес состоят из трех пунктов. В первую очередь, епископ мог быть недоволен священником за то, что протоиерей как секретарь правления не воспользовался в декабре 1941 г. указаниями правящего архиерея. Епископ, по его мнению, просил внести в протокол собственное заявление, а сам протоиерей это сделать по уставу не мог. Калинин отмечал, что уже 26 января 1942 г. правление утвердило постановление от 12 декабря, принятое в отсутствие епископа. Сделал отец Павел и своеобразный экскурс в прошлое. Он заметил, что епископ Павел уже прибегал к своему епископскому вето в вопросах, связанных с деятельностью правления. Он упомянул о событиях конца июня 1941 г. и заявил, что согласно уставу Церкви обсуждать что-либо с епископом правление не должно (имелся целый ряд чисто хозяйственных вопросов). Протоиерей Павел Калинин в довольно дерзкой форме заявил, что согласно Постановлению Синода ЭАПЦ от 2 июня 1938 г. действия епископа Павла ограничены только лишь богослужениями в соборе и, даже

со ссылкой на Апостольские правила, его действия неправоильны ((ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. 23-23-arr.).

Вторым пунктом стал вопрос, связанный с обсуждением непочтения священника к епископу во время литургии. В данном случае протоиерей задавал епископу «риторические вопросы»: «Так ли это, Владыко святой? Давно ли мы — священники собора — освободились от очередных служб в Знаменской, а раньше сего во Владимирской церкви? Где тут многократные упоминания Ваши об архиерейских службах? И как согласовать Ваше настоящее требование с недавним прошлым, когда Вы так убежденно говорили нам об упрощении архиерейского служения? И не я ли был тот, который пред выборами Вас в епископы, зная Ваше намерение “упроститься”, подал даже докладную записку Епархиальному Совету о том, чтобы он не допустил “упрощения” архиерея русской епархии, что неудобно пред другими архипастырями нашей Церкви? А не служил я с Вами литургию 21 декабря по нездоровью, утомившись за очередную неделю церковными службами, требами и массой хозяйственных дел, которые, как Вам известно, лежат исключительно на моих плечах» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 23-arr.). Священник отметил, что не мог и предположить того, что епископ после богослужений на храмовый праздник 18 и 19 декабря примет решение возглавить богослужение и 21 числа. По мнению Павла Калинкина, он, несмотря на недомогание, явился в собор, вынул до 200 частиц просфор и прочитал до 100 поминаний, что было истолковано епископом Павлом как неуважительное отношение.

Третий пункт состоял в оправдании протоиерея Павла Калинкина по поводу того, что он не поздоровался и не подошел на благословление епископа Павла. Священник заявил, что епископ сказал неправду, заявляя, что протоиерей с ним не поздоровался. Не признал за правду священник обвинение и в том, что он демонстративно отвернулся от епископа, просто находясь в другой стороне алтаря. Протоиерей Павел Калинкин утверждал, что в дальнейшем он будет всегда подходить к епископу Павлу под благословение, так как обязан это делать «по своему служебному положению». При этом священник

дал понять епископу, что его соображения по поводу того, что все меньше людей подходят к нему под благословение, имеют под собой реальную основу. Писал он и совсем жестко: «Вы так часто стали напоминать нам о своем епископском достоинстве, что раньше совсем не делали! И не отсюда ли Ваша повышенная подозрительность, что и, в числе других, мало считалось с Вашим достоинством и авторитетом? И вот для вящего авторитета своего Вы решили применить своеобразные средства, начав с соборного причта: одному Вы грозите увольнением, другому запрещением...» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 24-24-арр.). Также священник подчеркивал свое право на посещение домов прихожан в рождественские дни. Протоиерей Павел Калинин обвинил также архиерея в передергивании фактов, грубом обращении к собственной жизни. Описал священник и отпевание отца Константина Колчина: «Под грохот пушек, рискуя жизнью, я обмыл и приготовил его изуродованное тело к отпеванию. Я сделал все, чтобы отпевание прошло подобающим его сану образом. Я с большим трудом собрал и певчих. Но когда певчие, по опасению попасть под рвущиеся снаряды, не желали идти с пением вокруг храма, Вы сочли виновником меня и грубо сказали мне: “Уходите отсюда прочь!”» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 24-арр.). Отец Павел утверждал, что плакал у гроба скончавшегося священника вместе со всеми, на что епископ Павел отреагировал крайне отрицательно. Более того, протоиерей утверждал, что епископ Павел на страницах «Нарвского листка» прямым текстом ошельмовал почившего священника.

Любопытно, что протоиерей Калинин взял на себя смелость и дать отповедь по поводу своего педагогического стажа. Он отметил, что преподает очень долго и может выстроить отношения с молодым поколением. Епископа Павла же он обвинял в частых насмешках над «ребятами» в алтаре, «недвусмысленных замечаниях». Он же заявил, что в случае с протоиереем Павским виноват был епископ, который отчитал больного священника, а кто-то из молодых членов причта рассказал об этом инциденте, в результате чего слух разнесся по Нарве. Протоиерей признал, что отпускал только

«реплики» на замечания епископа Нарвского. Одновременно с этим он стал «контратаковать». Основным его обвинением стало утверждение, что осенью 1940 г. епископ Павел пришел на квартиру к Калинкину и убеждал отслужить благодарственный молебен в честь 23-й годовщины Октябрьского переворота. Безусловно, такого рода обвинение, как и утверждение о благожелательном отношении епископа Павла в первый «советский» год к гражданской власти в условиях нацистской оккупации представляли собой что-то из ряда вон выходящее и больше походило на прямую угрозу; «добавил» отец Павел и то, что предписанием от 15 мая 1941 г. епископ Нарвский отменил поминовение митрополита Александра за богослужением. Теперь же, в октябре 1941 г., епископ обвинялся в смятении в связи с тем, что митрополит Александр восстановил Эстонскую Православную Церковь. Свои «реплики» в данном случае протоиерей уже называл «возражениями» и «требованиями» ((ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 25-25-app.).

Далее священник упомянул и причины того, что его запретили в служении на две недели. По его мнению, основной целью епископа Павла было лишение отца Павла возможности служения в домах прихожан на Рождество и Крещение по «новому стилю». Протоиерей утверждал, что другие священники Нарвской епархии продолжили совершать богослужения по новому стилю, несмотря на запрещение епископа. Протоиерей Павел Калинкин утверждал, что решение о полном запрещении может принимать только митрополит Александр на основе Устава ЭАПЦ, а полномочия же епископа Павла не простираются дальше обычного выговора ((ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 25-app.).

Как можно охарактеризовать данное письмо? Сразу же бросается в глаза очень несдержанный его тон. Невооруженным взглядом видно, что отец Павел Калинкин неуважительно относится к епископу Нарвскому. Он лично проговорил полномочия последнего, утверждая, что они весьма и весьма узкие. Много раз он сделал ссылки на решения митрополита Александра (Паулуса), утверждая, что он главнее по должности. Также он опровергал, в том числе в весьма ироничной

форме, обвинения епископа, прямым текстом уличая его во лжи. Естественно, сам владыка Павел (Дмитровский) должен был ответить на подобные обвинения, в том числе и главе Эстонской митрополии митрополиту Александру.

Протоиерей Павел Калинин отправил письмо владыке Александру, в котором описывал конфликт, связанный с передачей нарвской Владимирской церкви Никольскому приходу, в ходе чего он мог остаться без места постоянного служения или мог быть перемещен (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 19-20—arr.). Письмо датировано 23 февраля 1942 г. В нем описывались события января, в ходе которых, со слов отца Павла, правление было недовольно этим решением и считало его несвоевременным. Священник отмечал, что храм занят под военные цели, а также обращал внимание митрополита Александра на то, что в дальнейшем могут занять и другие приходы, в том числе собор (отец Павел особо отметил, что уже заняты под военные нужды католический костел и Александровский приход). Причтовый дом братского храма был занят под лазарет. Инициативу перехода Владимирской церкви в ведение Николаевского прихода, по мнению отца Калинкина, поддержал епископ Павел. Священник считал идею передачи храма другому приходу полностью абсурдной, заявляя, что сейчас, по причине занятия церкви под военные цели, ходатайствовать о чем-то перед немецкими властями не нужно. Протоиерей подчеркивал, что крыша храма повреждена снарядом, и оценить масштабы грядущих ремонтных работ пока не представляется возможным ((ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 19-arr.).

Гораздо больше протоиерея Павла Калинкина интересовала собственная судьба в связи с переподчинением прихода. Священник отмечал, что занимал как должность настоятеля Владимирского Братского храма, так и являлся вторым священником в соборе. Согласно мнению отца Павла, после передачи Братского храма в ведение другого прихода, вопрос о его настоятельстве «отпадает» автоматически. Он интерпретировал положение вещей так: Совет Братства в данной сложной ситуации желал бы упрочить положение священника в соборе. Отмечая свою 40-летнюю «беспорочную» службу

Церкви, священник утверждал, что вопрос об объединении приходов напрямую теперь зависел от разрешения проблемы с настоятельством. Следовало из письма и то, что отец Павел претендовал на должность настоятеля собора, в чем ему отказывал епископ Павел (Дмитровский). У последнего было хорошее объяснение «торможения» вопроса с настоятелем собора: у отца Павла Калинкина были не решены отношения с Братским храмом. Протоиерей Калинкин ссылался на протокол приходского собрания 1937 г., по которому он был временным настоятелем. Интересна своеобразная словестная «эквilibристика» священника. С одной стороны, он не говорил в открытую, что назначить необходимо именно его на должность настоятеля собора. С другой стороны, протоиерей Калинкин писал митрополиту о неправильности давнего факта существования в соборе двух вторых священников. Решение этого вопроса, согласно протоиерею Павлу Калинкину, лежала на плечах митрополита (здесь он ссылался на параграф 133 Устава Эстонской Апостольской Православной Церкви). Кроме того, в завершении письма священник называл митрополита «единственным законным главой нашей Церкви, Высоким Попечителем Владимирского Братства» и «обращался в уверенности, что Архипастырская мудрость митрополита устроит все к общему делу» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 20-арр.).

Какой была реакция на нарвские проблемы самого Митрополита Таллиннского и Всея Эстонии? На начальном этапе митрополит Александр получал письма как от одной, так и от другой стороны конфликта. В конце февраля 1942 г., еще до окончательного разрыва с экзархом Сергием (Воскресенским), он, взвесив аргументы, высказываемые как протоиереем Павлом Калинкиным, так и епископом Павлом (Дмитровским), советовал нарвскому священнику не осложнять и без того тяжелое и неблагополучное время «взаимными недоразумениями», а также выражал надежду на то, что обоим удастся найти компромисс и «установить между собой добрые отношения посредством чистосердечного и истинно христианского обмена мнениями» ((ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 21). В завершении своего письма протоиерею Калинкину митрополит Александр

обещал отправить письмо и владыке Павлу, в котором обещал призвать последнего поменять свое мнение о Калинкине.

В тот же день владыка Александр (Паулус) отправил письмо нарвскому епископу, в котором буквально дословно повторил большинство тезисов, изложенных в письме протоиерею Павлу Калинкину. Особо владыка Александр просил главу Нарвской епархии отнестись к священнику благосклонно и доброжелательно, приняв все меры к мирному улаживанию возникающих недоразумений ((ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 22). Глава Эстонской митрополии особо подчеркивал, что сейчас Православная Церковь находится в трудном положении, и усугублять его подобного рода конфликтами не стоит. Митрополит заверил епископа, что протоиерей Павел Калинин должен обратиться к своему епископу как к архипастырю и отцу. Никаких намеков на неприятие друг друга, или же на разгорающийся конфликт в этих письмах мы найти не можем.

В ответном письме, написанном 4 марта 1942 г., епископ Павел очень подробно характеризует события в своей епархии, произошедшие за последние месяцы, и выделяет основные проблемы, которые встали перед Нарвской епархией с уходом советских властей, особо заостряя внимание митрополита на деле протоиерея Калинкина. Однако основным лейтмотивом послания является поиск решения проблемы; никаких черт критики митрополита Александра и его позиции мы здесь встретить не можем (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 26-30-арр.).

В письме он повторил все те тезисы, которые изложил в письме Калинкину. Митрополиту он сообщал, что протоиерей груб в отношениях с епископом, небрежно относится к богослужению и разлагает причт (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 26). Как бы оправдываясь, епископ подчеркивал, что мог написать митрополиту разъяснительный рапорт раньше, однако не хотел предавать разгоревшийся конфликт гласности. Из письма мы также узнаем, что епископ Павел встречался с протоиереем Калинкиным на квартире последнего 9 января 1942 г., в церкви 19 января, а также 1 и 8 февраля. Эти встречи ничего во взаимоотношениях двух духовных лиц не изменили, с точки зрения епископа Павла, протоиерей продолжил

демонстрировать свою грубость. Кульминацией этого витка конфликта стало Прощеное воскресенье 1942 г.: «И вдруг, накануне прощенного воскресенья, когда мы в соборе за вечерней службой совершаем трогательный обряд всеобщего прощения, я получаю от протоиерея Калининна письмо, которое убило во мне всякую надежду. Копию этого письма о. Калинин, как он мне сообщил, представил Вам» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 26). Епископ Павел охарактеризовал отца Павла как человека не вполне церковного. Основной причиной его деятельности владыка Павел называл чисто имущественный вопрос. Он подчеркивал, что протоиерей Калинин не согласился с тем, что ему не были ассигнованы выплаты к Рождеству и в отместку за это на собрании 12 декабря 1941 г. отменил выплаты певчим и регенту. 20 декабря отец Павел находился в алтаре и отказался, стоя на расстоянии трех шагов от епископа, поздороваться с последним. По мнению епископа Павла, подобного рода поведение стало отголоском неприязненного отношения священника к диакону Якову Тимофееву, которого протоиерей недолюбливал и хотел учить не словами, а «метлой». Тимофеев же пользовался расположением нарвского епископа, с точки зрения последнего, он хорошо знал церковный устав и руководил соборным хором. Также протоиерей Калинин, как секретарь Соборного правления, обвинялся в отказе от своевременного решения вопросов с увеличением доходов причту. Также в вину отцу Павлу вменялась все та же неявка на соборные богослужения 1 и 8 февраля. Видимо, протоиерей Павел Калинин считал, что если епископ будет исполнять обязанности священника, то ему самому будет доступ в собор закрыт. 21 декабря 1941 г. отец Павел мог интерпретировать служение в соборе епископа как «разгром нового стиля». У Калининна, если верить письму, было следующее восприятие Рождества: «Так как в Нарве большинство населения служит или работает на фабриках, а фабрики объявили праздник Рождества по новому ст., то совершенно естественное желание многих состояло в том, чтобы служба совершалась по новому стилю» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 27). Епископ же Нарвский говорил, что никаких препятствий к «новостильному» богослужению он не имел, а точно по старо-

му стилю он служил бы перед монахинями местного монастыря. Отказ от собственного служения по новому стилю епископ Павел объяснял так: «Но сам-то я, как Вам известно, не мог служить по новому стилю, и поэтому должен был объявлять людям, почему я, служивший ранее по новому стилю, в этом году не могу этого сделать. Ваше положение, Владыко, в данном случае иное. Если я в известный момент в нашей церковной жизни был только нештатным источником и тем не менее оказался ответственным, то благоразумие требует от меня соблюдать осторожность. Кроме того, в своем слове я указал на то обстоятельство, что страдания русской Церкви и народа в настоящий момент достигли последней степени и поэтому наш долг объединиться в молитве» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 27).

В письме епископа Павла есть сведения, что еще при архиепископе Евсевии (Гроздове) Калинин был лишен права ношения священнического креста за свою грубость. Также Калинин будто бы давал письменное обязательство в том, что он не будет вмешиваться в дела чужих приходов, в особенности Владимирской церкви. По мнению епископа Павла, еще отец Алексей Павский (к моменту составления письма уже покойный) советовал отстранить священника Павла Калинкина от настоятельства в соборе. Отрицательные черты отца Павла, по мнению его визави, заключались в том, что протоиерей искал абсолютно абсурдные аргументы к тому, чтобы не принимать у правящего епископа благословения, а также четко фиксировал, в том числе и для передачи информации в Таллинн, кто еще относится к епископу Павлу без должного почтения. Отец Павел Калинин обвинялся в интригах и диктаторских замашках, грубых и чрезвычайно резких заявлениях. Любопытно, что епископ Павел неизменно подчеркивал собственную мягкость, отмечая, что архиепископ Евсевий бы давно уже бы лишил строптивного интригана сана (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 27).

В число наиболее «спорных» моментов во взаимоотношениях между архиереем и протоиереем можно отнести и упомянутое вскользь выше отпевание протоиерея Константина Колчина в июле 1941 г. Отец Константин попал под обстрел

и был госпитализирован в Кренгольмскую больницу. Там он и скончался, после чего его тело забрали для отпевания в Петропавловской церкви на кладбище. Во время отпевания обстрелы продолжались, многие священники на отпевание не явились, в результате чего протоиерей Павел Калинин предлагал епископу существенно сократить время проведения Таинства. Епископ Павел обвинял протоиерея в проявлении «животного страха» перед угрозой гибели. Епископ отмечал, что он все же настоял на отпевании «без сокращений», а слова Калинкина об оплакивании Колчина охарактеризовал как сомнительные, в силу того, что отец Павел при жизни критиковал деятельность отца Константина. Теперь же в письме митрополиту Александру отец Павел писал о том, что епископ «ошельмовал почившего протоиерея», факт чего епископ Нарвский полностью отрицал. Следует отметить, что в современном справочнике, посвященном биографиям православных пастырей и архипастырей Эстонии, приводятся иные обстоятельства смерти протоиерея Константина Колчина. В частности, указывается, что он был арестован в июне-июле месяце 1941 г. и умер в больнице¹⁰.

Еще один конфликт отец Павел Калинин приписал епископу с другим умершим священником епархии — вышеупомянутым отцом Алексием Павским. Калинин отмечал, что во время новогоднего молебна епископ Павел стал проповедовать, не взирая на неприязненную, нервную реакцию со стороны отца Алексия Павского. По мнению Калинкина, глубоко больной священник Павский умер прямо во время епископской проповеди. Сам же епископ утверждал, что Калинин опоздал на молебен и намеренно исказил случившееся. Примечательно, что в современном справочнике православного духовенства Эстонии отец Алексей Павский обозначен как настоятель Преображенского собора в Нарве по 1939 г., а точная дата его смерти и вовсе не указана¹¹.

Имелся между епископом и протоиереем конфликт и в плоскости отношения к молодежи. Владыка Павел заявлял, что протоиерей Калинин хвастался своей 38-летней педагогической

¹⁰ Православие в Эстонии XX–XXI столетия... С. 163.

¹¹ Православие в Эстонии XX–XXI столетия... С. 254.

деятельностью, про епископа говорил, что тот «грубый и дикий» и не умеет найти общий язык с молодежью. Конфликт усилился после того, как в город Нарва пришли немцы, и вновь заработала объединенная гимназия. Преподавание Закона Божия в русском ее отделении возглавил епископ, как он сам утверждал, по просьбе директоров, учителей и представителей КАПО. Последнее вызвало зависть у протоиерея Павла Калинин.

Калинкин же «припоминал» события «первого советского года», когда епископ Павел был в замешательстве в период октябрьских торжеств 1940 г. Калинин утверждал, что епископ боялся обвинений в контрреволюционности и не знал, как себя вести. Священник утверждал, что епископ Нарвский не только сам благожелательно отнесся к новой советской власти, но и ходил по домам Нарвы и агитировал за хорошее отношение к большевикам (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 28-arr.-29).

Интересно, что епископ Нарвский Павел упомянул в письме митрополиту Александру, что 2 мая 1941 г. Эстонская митрополия перешла с согласия главы ЭАПЦ в Управление экзархе. Протоиерей Калинин заявлял, что как только вышел циркуляр митрополита Александра от 14 октября 1941 г., фактически отменивший этот переход, то епископ Павел был им «обескуражен» настолько, что на протяжении двух недель не участвовал в литургиях в соборе. Здесь, однако, присутствовал уже очень любопытный момент, связанный с разным видением будущего нарвских приходов и их отношения к управлению экзарха. Епископ Павел описывал сложившуюся осенью 1941 г. ситуацию так: «Дело было так. Явившись в собор ко всенощной, я был очень удивлен, что протоиерей изменил порядок поминовения — ни местоблюстителя, ни экзарха не поминает, но в течение всей службы я по этому поводу никому и ничего не сказал. После всенощной я спросил у служившего о. Калинин, что это значит? “А разве Вы не знаете, — ответил с иронической улыбкой протоиерей, — получен циркуляр, строго запрещающий помянуть местоблюстителя и экзарха!” Так как я ничего не знал, то должен был молчаливо выслушать ответ, а в душе недовольно подумал: по-видимому, центральная власть намеренно не предупреждает

меня о таких значительных изменениях и, таким образом, ставит в очень затруднительное положение» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 29). Отметим, что на момент написания письма епископ Павел еще оправдывался перед митрополитом Александром, отмечая, что он не знал о выпущенном циркуляре и, фактически, негласно солидаризировался с линией митрополита Александра. Более того, епископ оправдывался, что действительно не служил какое-то время в соборе, однако объяснял этот факт необходимостью помощи Знаменской церкви, двое священников которой отошли в мир иной. Епископ писал, что Калинин пренебрегал двухнедельным запрещением, заявлял другим священнослужителям, что сфера прав епископа Павла ограничивается только собором, да и там он должен действовать «с ведома митрополии». Ссылаясь на Апостольские правила и церковный устав, епископ утверждал, что протоиерей Павел Калинин был плохо богословски образован и не понимал реальных границ деятельности архиерея. В противовес мнению Калинкина, епископ Павел заверял митрополита Таллиннского и Эстонского, что между протоиереем и главой Нарвской кафедры нет чисто богословских расхождений, зато есть расхождения пастырского характера. Аргументы епископ тоже привел серьезные. Так, на его взгляд, протоиерей Калинин выступал против религиозно-просветительской работы среди русского населения Нарвы, хотя, согласно епископу, пастыри широко ее начали проводить после ухода Красной Армии. Священник Калинин, согласно показаниям епископа Павла (Дмитровского), любит сокращать богослужения и требы, что вызывало неприятие у верующих и духовных лиц. Не сошлись мнения у протоиерея Павла Калинкина и у епископа Нарвского и в плоскости отношения к советским военнопленным. В письме митрополиту Александру владыка Павел утверждал, что «заведующий лагерем» сочувственно отнесся к идее богослужений в госпитале и лагере среди военнопленных причта собора. Вместе с епископом в богослужениях принял участие отец Ростислав Лозинский. После литургии 400 пленных причастились Святых Тайн. Согласно епископу, протоиерей Павел Калинин отказался принимать

участие в оказании помощи пленным и не приезжал в лагерь (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 30).

Отметил владыка Павел и те пути, с помощью которых можно было разрешить конфликт. По сути, епископ Нарвский просил у главы Эстонской митрополии, чтобы тот поддержал его епископские решения. Епископ Павел требовал извинений от протоиерея Павла Калинин, а также признания собственной епископской власти. Епископ Нарвский особый упор делал на том, что во время написания письма на дворе был Великий Пост, и очень просил у митрополита Александра разрешить противоречие в кратчайшие сроки. Просил епископ и решить вопрос с Владимирским Братством, проверку деятельности которого он начал, вновь напоротившись на неприятие со стороны протоиерея Калинин. Выход епископ Павел видел в том, чтобы сам митрополит Александр инициировал ревизию Владимирского братства. Недвусмысленно намекал епископ Павел и на то, что никто уже давно не занимался делами Владимирского братства, в котором кроме отца Павла было три человека. Также он подчеркнул, что нарвский протоиерей довольно хорошо обеспечен, посему и надо «проникнуть в заповедные владения иерея П. Калинин», другими словами, разузнать ситуацию с братством (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 31-арр.).

Наконец, завершил письмо епископ Павел следующим постскриптумом: «В дополнение сообщаю, что прежде чем отправить настоящее письмо, 3-его марта зашел к о. Калинин и указал ему на необоснованность его обвинений, предъявленных ко мне, и предложил отказаться от этих обвинений. О. Калинин высокомерно заявил, что он не только не откажется от этих обвинений, но предъявит еще новые какие-то. Такой его ответ свидетельствует, что о. Калинин не хочет здесь на месте мирить это неприятное дело. Поэтому прошу Вас указать о. Калинин в категорической форме на недопустимость его поведения и потребовать, чтобы он без всякой уступки принял те минимальные требования, которые указаны в настоящем письме» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 31-арр.).

25 марта 1942 г. епископ Павел снова пишет письмо митрополиту Александру, в ответ на митрополичье. Помимо дежур-

ных благодарностей в адрес главы Эстонской митрополии, следуют и слова разочарования в действиях митрополита. Владыка Павел подчеркивал, что митрополит Александр (Паулус) не смог, а, возможно, и не захотел найти слов для того, чтобы призвать протоиерея к ответу. Более того, епископ особо подчеркнул факт того, что священник Калинин открыто заявляет о своей поддержке со стороны митрополита в Таллинне. Епископ Павел отметил, что ранее не верил словам протоиерея, однако теперь понял, что в них «что-то есть». Епископ твердо заявил в письме, что остается при своем мнении и утверждает, что собору нужен более культурный священник, который мог бы не только благоустроить собор, но и позаботиться об эстонском Николаевском приходе. Епископ признал факт того, что он заключил мир с протоиереем Павлом Калининским, но назвал этот мир «внешним», признав, что на него подействовало решение митрополита (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 32).

Остро встал вопрос и о перемещении местного священника Ростислава Лозинского из Свято-Троицкой церкви Нарвы. Епископ Павел подчеркивал, что прихожане привыкли к своему пастырю. Несмотря на то, что служение в фабричном районе было довольно сложным, перевод священника на кладбищенский приход стал для владыки Павла необоснованным. Чувство обиды видно в словах епископа, когда он писал, что епархия настолько мала, что с мнением епископа никто не считается. В некоторых фразах уже чувствуются ноты недоверия и непризнания деятельности митрополита Александра: «Когда я получаю из восстановленного Вами Синода предложение сообщить тот или иной циркуляр по приходам Н. епархии, то я всегда испытываю большое затруднение, какие же именно это приходы? Неужели только три прихода нарвских да несколько принаровских? А остальные, в том числе и (...неразб.), куда они девались? Когда, кем и на каком основании и какие именно приходы отторгнуты от Нарвской епархии? Мне об этом ничего неизвестно, а между тем, я вижу, что я как епископ отстранен от многих русских приходов» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 32-арр.-33.).

Гораздо интереснее то, что епископ Павел писал дальше. После целого ряда риторических вопросов, больше похожих

на увещевания, он напрямую спрашивал у митрополита Александра, по какому праву его устранили от управления Нарвской епархией. Более того, епископ Павел считал, что если циркуляр о восстановлении дел в Эстонской митрополии действителен, и более подчинения митрополиту Сергию (Воскресенскому) нет, то значит, и вся власть переходит епископу Павлу. Он подчеркивал, что и подчинение экзархату не подразумевало собой упразднения Нарвской епархии. Наоборот, епископ Павел отмечал, что экзарх Сергей выступал только лишь за восстановление благочиний без деления по национальному признаку. Также епископ Павел напрямую упомянул о том, что вслед за упразднением подчинения экзархату восстанавливался бы и Нарвский Епархиальный совет. Епископ Павел был недоволен тем, что эстонские приходы епархии теперь выводились из его подчинения и передавались митрополиту, а русские приходы только частично оставались в подчинении Нарвской епархии, часть из них выводились из ведения епископа Павла (Дмитровского).

Владыка Павел подчеркивал, что он ждет разрешения сложившейся проблемы именно от митрополита Александра. Епископ Павел уже вполне конкретно говорил о том, что проведенное ранее урезание границ Нарвской епархии, уход пяти печерских приходов ни к чему хорошему не привел. Теперь же, по его мнению, ситуация могла стать еще хуже, и поэтому он предлагал митрополиту Александру восстановить положение дел на момент избрания епископа Павла на Нарвскую кафедру. Именно такое положение вещей, по мнению епископа Павла, представляет собой единственную гарантию «мира, согласия и любви», к которым призывал митрополит Александр (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 33-арр.).

Для сравнения, приведем данные из письма митрополиту Александру от протоиерея Павла Калинин. Письмо было написано 18 марта 1942 г. В нем отец Павел Калинин говорил о том, что он 17 марта имел возможность встречи с епископом Павлом, и они договорились о том, что между ними будет теперь перемирие. Отец Павел заявил, что оба представителя Православной Церкви погорячились и стали смущать митро-

полита своими письмами с обоюдоострой критикой. Особо священник отметил, что письмо митрополита «всколыхнуло» его душу и заставило сесть за стол переговоров (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 34).

Однако события в Нарве предрешили конфликт между священноначалием в Риге и Таллинне. В данном случае мы имеем в виду появление двух центров — сторонников назначенного в Балтию в начале 1941 г. Москвой митрополита Сергия (Воскресенского) и сторонников власти митрополита Александра (Паулуса). Именно последнему удалось повести за собой большинство эстонских, а также существенное количество русских приходов Эстонии. В оппозицию к владыке Александру на территории Эстонии встал один архиерей — епископ Павел (Дмитровский).

Безусловно, подробное описание данного процесса не входит в задачу этого материала. Отметим, что как у современников, так и у историков, были полярные взгляды на поведение нарвского архиерея. Заслуги владыки Павла (Дмитровского) в период нацистской оккупации отметил Сергей Мянник. Он пишет, что владыке удалось повести за собой не только почти все приходы Нарвской епархии, но и 14 приходов Печерского края, «выдержав борьбу как с митрополитом Александром, так и с эстонской полицией и нацистской администрацией»¹². Именно в связи с этим, по мнению историка, митрополит Сергий (Воскресенский) наградил его впоследствии саном архиепископа. Также в число заслуг архиепископа Павла принято приписывать посещение им так называемых «красных амбаров», где содержались больные тифом советские военнопленные. Также историк Сергей Мянник отмечал, что в период нацистской оккупации владыка Павел выступал за включение мирян в состав Нарвского Епархиального совета, а в отношении с нацистскими властями «держал себя очень независимо, защищая интересы Церкви»¹³.

Но есть и противоположная позиция. Источником для нее стали высказанные самим митрополитом Александром и его

¹² Мянник С. Архиепископ Павел (Дмитровский) // Православие в Балтии. 2014. № 2 (11). С. 86.

¹³ Мянник С. Архиепископ Павел (Дмитровский). С. 87–90.

окружением суждения. Очень примечательным является письмо митрополита Александра (Паулуса), датированное примерно концом июля — началом августа 1942 г. и адресованное митрополиту Рижскому Августину (Петерсонсу). В нем есть любопытный фрагмент, прекрасно иллюстрировавший точку зрения Александра на отход от него епископа Павла и реакцию русских приходов в Нарве: «Павлу, по моему мнению, не поздоровится от его присоединения к Сергию. Он воображал, что наши русские последуют за ним, но оказалось наоборот. Нарвское, Таллиннское и Тартуское русское духовенство категорически возражают против его поступка, в особенности в Нарве. Как-то он думает служить там, когда все духовенство против него. Я предполагаю в скором времени поступить с ним по уставу нашей Церкви, т. е. приблизительно так, как поступили с Тобоем»¹⁴. Также в письме говорилось, что митрополита Александра умышленно не пригласили на совещание архиереев, в то время как других архиереев, даже на покойного владыку Николая, уговаривали туда поехать. Теперь рассмотрим высказанное выше с помощью архивных документов.

Действительно, с осени 1941 г. митрополит Александр (Паулус) выходит из подчинения экзарха Сергия (Воскресенского). Первое время сохранялась иллюзия того, что конфликт «Ревеля и Риги» можно будет уладить. Однако время шло, и епископ Павел все больше дрейфовал в сторону власти Прибалтийского экзарха и начал агитировать за нее и в среде нарвских приходов.

Не оставаясь в долгу и митрополит Александр. 30 апреля 1942 г. глава Эстонской Православной Церкви (Эстонской Митрополии) крайне отрицательно относился к попыткам примириться с владыкой Павлом (Дмитровским), отмечая: «Что касается разговоров еп. Павла о желании примириться со мною и т. п., то я в этом отношении присоединяюсь к Вашему мнению, что это все — пустые разговоры и лукавые маневры» (ЕАА. Ф. 1655. № 3. С. 430. Л. 133). Несложно догадаться, адреса-

¹⁴ Письма митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса) митрополиту Рижскому и всея Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Семпу, написанные в 1941–1943 гг. // Православие в Балтии. 2014. № 2 (11). С. 156.

том данного письма был не кто иной, как отец Павел Калинин, основной сторонник митрополита Эстонского в Нарве. Высказывает глава Эстонской митрополии и свое мнение о том, как надо определить свою юрисдикционную принадлежность на данном этапе. Для этого, говорит он, необходимо объявить общее собрание прихожан, на котором и должно быть решено, будет ли приход в составе Прибалтийского экзархата или же Эстонской митрополии (часто в письмах приходским священникам митрополит Александр (Паулус) называл свою юрисдикцию по-старому: Эстонская Православная Церковь, уже не взирая на события начала 1941 г.). В письме митрополит Александр весьма доверительно начал высказывать личное отношение к епископу Павлу, подчеркивая его отступничество перед коммунизмом: «В этом виноваты прежде всего подобные еп. Павлу архипастыри и пастыри, не имеющие никакого понятия о христианской любви и о научении верующих истинам Христовым, но думающие все заменить холодным формализмом и всякими “жупелами” и прещениями. Насколько нынешние представители Московской Церкви не пользуются расположением верующих православных людей, видно хотя бы из того, что русские православные в Украине, Западной Европе, Америке и т. д. не хотят иметь с ними никакого общения. Тем более понятно наше нежелание признавать экзарха и его единомышленников, думающих устраивать дела церковные с лицами, воспевающими “лучи солнца Сталинской конституции”, и заменяющие заслуженных духовных деятелей “культурными” героями с уголовным прошлым» (ЕАА. Ф. 1655. № 3. S. 430. L. 133–134). Справедливости ради необходимо отметить, что митрополит Александр обсуждал с протоиереем Павлом Калининским и чисто церковно-бытовые вопросы. Так, они обсудили вопрос о ремонте в Кренгольмской церкви и о возможности совершения в ней богослужений в зимнее время. Поставил владыка Александр перед священником вопрос и о служении в этом храме для эстонских прихожан Нарвы: «Так как в Николаевской церкви ныне совершаются богослужения для знаменских прихожан, то эстонский приход остался без храма. Ввиду этого с согласия

О. Г. Андерсена, я летом разрешил эстонскому Николаевскому приходу совершать богослужения в Кренгольмской церкви. Я убедительно прошу Вас переговорить с представителями эстонского прихода — Леппом и Клаасом, чтобы в случае приведения в порядок Кренгольмской церкви или подвального помещения отделения предоставлена была возможность и эстонскому приходу по временам устраивать там богослужения, а то православные эстонцы нарвские чувствуют себя как бы обиженными, как это видно из полученного мною письма г-на Леппа. Я убежден, что Вы их успокоите и удовлетворите их желание» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 133). Завершает митрополит Александр нотой полной поддержки и солидарности с протоиереем Павлом Калининским: «Благодарю Вас за долготнее сотрудничество и доброе отношение ко мне и к моим верным сотрудникам, призываю на Вас благословение Божие и желаю всего доброго» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 134).

30 июня 1942 г. митрополит Александр в крайне жесткой форме указал епископу Нарвскому Павлу на то, что он, называясь Нарвским епархиальным архиереем, действует согласно Уставу Эстонской Православной Церкви, одновременно с этим сообразуя свою деятельность с указами экзарха Сергия (Воскресенского). Митрополит Таллиннский и всея Эстонии подчеркивал просоветский характер деятельности митрополита Сергия (Страгородского), а также говорил о верности последнему экзарха Сергия (Воскресенского). К епископу Нарвскому же он обращался со следующим призывом: «Не стану более распространяться и тратить дорогое время, но, хорошо зная положение нашей Церкви, добавлю лишь, что домогания и стремления, подобные Вашим, могут принести только вред Православию в нашем крае. Ввиду этого надеюсь, что во избежание нежелательных для нашей Церкви последствий Вы впредь будете сообразовывать свою деятельность с уставом нашей Церкви и местными условиями» (ЕАА.Ф.1655. No. 3. S. 431. L. 52).

Сторонники Прибалтийского экзархата также не торопились налаживать отношения с Таллинном. Только 6 июля 1942 г. епископ Ковенский Даниил (Юзвьюк) написал митрополиту Таллиннскому Александру (Паулусу) письмо с пригла-

шением в Ригу на совещание: «Ваше Высокопреосвященство! 8-го июля в г. Риге, по инициативе Экзарха и с ведома германских властей, открывается Совещание архиереев Православных епархий Литвы, Латвии и Эстонии. Суждения будут вестись в строгом соответствии с новым законом о религиозных обществах. На совещание прибыли Преосвященные Литовской, Латвийской епархий и Эстонской — Преосвященный Епископ Нарвский. В предварительном заседании высказались за приглашение и Вашего Высокопреосвященства, о чем мне поручено довести до Вашего сведения» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 56). Кроме того, епископ Даниил указал, что для получения права проезда следует представить извещение Генеральному комиссару, автобус между Таллинном и Ригой курсирует по четвергам, а по приезде в столицу Латвии митрополит Александр должен явиться в Сергиевский монастырь, где приготовлено помещение для участников совещания (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 57).

Совершенно по-иному относились в данном случае к подчиненному митрополиту Таллинскому и Эстонскому епископату. Так, письмо епископа Павла (Дмитровского) к напоянному Печерскому архиепископу Николаю (Лейсману) от 4 июля 1942 г. выглядело следующим образом: «Я сейчас с некоторыми другими епископами, нахожусь в Рижском монастыре, куда явился по вызову Митрополита-экзарха. Мы собрались, чтобы урегулировать то церковное неустройство, которое всем нам причиняет так много беспокойства и неприятностей. Надеемся, что сюда прибудет и наш Владыка Митрополит Александр, а потому очень и очень просим пожаловать и Вас. Своими обширными богословскими познаниями и богатым церковным опытом Вы очень могли бы помочь общему делу. Собравшиеся воодушевлены стремлением достигнуть в мире и любви братского единения и особенно сильно чувствуется, это стремление у Владыки Экзарха. Он совсем не тот, каким мы его знали в Таллине, когда он находился под особым наблюдением и давлением НКВД. Приезжайте, дорогой Владыко, чтобы помочь доброму и подлинно христианскому делу» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 55).

Из письма видно, что если епископ Нарвский и не вводил в заблуждение находящегося на покое архиерея, то по крайней мере «смягчал» очень многие акценты. Видно, что он не хочет напрямую противопоставить митрополитов Сергия (Воскресенского) и Александра (Паулуса), но желает оправдать поведение первого. Он интерпретирует выступление с амвона Симеоновской церкви митрополита Сергия в 1941 г. как вынужденную меру, вызванную опасностью со стороны советских специальных служб.

Письмо в адрес епископа Печерского написал и сам экзарх Сергей (Воскресенский): «Мой посланец вручит Вам, Владыка Святой, Указ о приглашении Вас на открывающееся Архиерейское совещание в г. Риге по устройству нашей церковной жизни. Он же выхлопочет Вам и соответствующее разрешение на проезд. Конечно, Вы понимаете, что наше совещание собирается с ведома германских властей. Решения этого совещания будут обязательны для православных епископов. Прилагаю письмо Преосвященного Нарвского Павла, который вместе со мной питает надежду на Ваш приезд. Здесь мы Вам создадим все условия спокойного и удобного жития, а родственница Ваша особенно радостно встретит здесь. Надеюсь, Ваше Преосвященство, что Ваши старческие немощи не могут задержать от поездки и от участия в столь важном для Церкви Православной совещании. Нами послано приглашение и м. Александру, благоразумие которого на этот раз, полагаю, подскажет необходимость его общения с нами» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 55-arr.).

Предположительно епископ Николай ответил. В одном из писем упоминался конфликт между епископом Павлом (Дмитровским) и протоиереем Павлом Калининским. В центре внимания на этот раз встал вопрос о богослужениях старого и нового стиля: «Вы наполняете крупную часть Вашего письма на сообщение Ваших дразг с Калининским, на черные ходы и т. п.? Какое это все имеет отношение к календарному вопросу, к вопросу об отношении Церквей или к Вашим нетактичным распоряжениям по Нарвской епархии? Откуда Вы взяли, что я занимаюсь распространением ложных сведений? Разве частное письмо к Вам есть распространение ложных сведений

о Вас? По-моему, наоборот, проверка некоторых сведений. К чему Вы говорите мне о том, что Христос на Кресте не имел никакой земной власти, для меня также неясно» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 327). Автор письма пишет, что не считает для себя приемлемым обращаться к епископу Павлу в «лицемерно-почтительном тоне», вопрошает о взгляде самого епископа Павла на происходящее и отмечает отсутствие собственного права что-либо указывать епископу Павлу.

Далее следует фрагмент, в центр которого вновь помещена личность протоиерея Павла Калинин: «Вы относитесь ко мне, как лицу официальному. Это и было причиной того, что Вы написали мне много лишнего, к делу вовсе не относящегося. Например, к о. Калинкину я не имею никакого отношения ни официально, ни частным образом. Я едва-едва в лицо его знаю. Из Вашего письма ко мне видно, что в новостильные святки о. Калинин “не мог служить”. Мне очень интересно узнать? почему это он не мог служить именно в новостильные святки. Из Вашей переписки с Митрополитом Александром я знаю еще один странный случай. Вы что-то жаловались на о. Калинкина. Владыка Митрополит предложил Вам между собою переговорить и помириться. Через некоторое время о. Калинин сообщил Владыке, что вы действительно помирились, и благодарил Владыку за добрый совет. А от Вас получилось письмо, что о. Калинин к Вам не приходил. Как это объяснить?» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 327-arr.).

Далее автор письма говорил о невероятном такте митрополита Александра, его способностях и стремлении к разрешению возникающих конфликтов. В качестве альтернативного примера приводился экзарх Сергей (Воскресенский). Отмечалось, что этот архиерей был «навязан» православному духовенству в Эстонии и не имел легитимных прав, чего епископ Павел не понимал, что было охарактеризовано «трагедией» главы Нарвской епархии.

Далее следует еще более конкретная позиция автора, на этот раз демонстрирующая общее отношение многих православных в Эстонии к юрисдикции московских церковных властей: «После этих предварительных замечаний приступаю

к самому главному нашему вопросу об объединении Эстонской Православной Церкви с Русской. Вы пишете, что существует в России два лагеря людей: “Одни находятся над Христом и Его Церковью, а другие терпят издевательства...” Со своей стороны добавлю еще класс перебежчиков, провокаторов, может быть, не очень многочисленный, но очень деятельный и самый презренный. Престарелого местоблюстителя Патриаршего Престола, именем которого произведено наше «объединение», назначение «экзарха» и многое другое, я лично оставляю вне всех этих классов — до выяснения обстоятельств. А вылощенного экзарха, с набедренником в шелку, свободно разъезжавшего — во дни террористского правления большевиков в Эстонии — в отдельных купе по железным дорогам Эстонии и Советам, предоставлю Вам разместить в класс по Вашему выбору. Я только комментирую, что с классом страдальцев мы в объединение не введены. Вы сами пишете, что и самая форма “разного единения” еще не вылилась» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 327-арр.). Отметим, что часть воспроизведенного в этом письме впоследствии митрополит Александр (Паулус) в более подробной форме воссоздаст на страницах эмигрантской прессы в послевоенное время, уже проживая в Швеции¹⁵.

В целом это письмо являлось гневной отповедью в адрес тех представителей духовенства и мирян, особенно в Печерах, которые приняли советскую власть в 1940 г., а также против митрополита Сергия (Воскресенского), который действовал в Эстонии в период советизации как верный поборник этой власти. Епископ Нарвский обвинялся в потворстве этой политике.

Итак, митрополиту Александру сообщают о событиях в Риге с явной задержкой, причем написал ему епископ Даниил, наименее влиятельный из собравшихся архиереев. Подчеркивание нового статуса и регистрации экзархата призвано продемонстрировать «успехи» этой юрисдикции, также как и упоминание о присутствии владыки Павла. Виден и разный статус обращений: к архиепископу Николаю обращаются

¹⁵ Alexander (Paulus). The truth about Archbishop Sergius. An NKVD undermining Estonian church life (1943/1950) // Palli M. H., Papatomas G. D. The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L’Eglise autonome orthodoxe d’Estonie. Approche historique et nomocanonique. Thessaloniki, 2002. P. 186–195.

и епископ Павел, и сам экзарх. Видна существенная разница и в целях. Митрополита Александра оповещают о происходящем скорее «для галочки», оповещают уже о произошедших событиях, с сомнением в том, что глава Эстонской митрополии реально посетит совещание. Архиепископа же Николая, наоборот, очень ждут, особо отмечая, что несмотря на его «старческие немощи», его примут должным образом и разместят в Риге. Можно сказать, что решение об отношении к архиереям Эстонии было уже принято к середине лета 1942 г. С регистрацией экзархата митрополит Александр уже выпадал из общей парадигмы, а главным действующим лицом среди епископата на территории Эстонии должен был стать епископ Павел.

Тем временем русское духовенство Нарвы не стало тотчас дрейфовать в сторону церковных властей в Риге. 21 июля 1942 г. последовало письмо митрополиту Александру (Паулусу) от православных священников Нарвы, в котором они засвидетельствовали свою верность владыке. В письме духовные лица отмечали, что признавали распоряжение от 14 октября 1941 г. действительным и были согласны вернуться к порядку, существовавшему в Эстонской Церкви «до прихода большевиков». Также они особо подметили, что именно этот циркуляр «ввел пошатнувшуюся церковную жизнь в нормальное русло». Священники отметили, что епископ Нарвский Павел вновь решил повернуть дело вспять и издал «незаконмерный», «промоковский» циркуляр 29 мая 1942 г. Они назвали деятельность епископа Павла «своеобразным и крайне смелым выступлением», повергшим их в недоумение. Представители нарвского духовенства выражали неприятие по «тактическим» причинам представителей московских церковных властей; отказывались отправлять денежные взносы епископу Паулу; не желали прекращения подчинения приходов Эстонской Православной Церкви. По сути, священники выступили против перехода епископа Павла к единоличному управлению епархией. Приняли они и циркуляр митрополита Александра от 30 июня 1942 г., по которому циркуляр епископа Павла от 29 мая того же года отменялся, также они «единодушно одобряли и обещали всемерно поддерживать митрополита Алек-

сандра в его высокополезной церковной деятельности» (ЕАА. Ф.1655. No. 3. S. 430. L.84-84-арр.). Первым свою подпись под документом поставил протоиерей Павел Калинин. Также его поддержали: священник собора и Свято-Троицкой церкви Владимир Богоявленский, священник Успенского прихода и церкви Иверской трудовой общины Александр Захаров; служащий в нарвской Знаменской церкви протоиерей Евгений Яхонтов и протоиерей Г. Андерсен из Кренгольмской Воскресенской церкви. 31 июля 1942 г. отец Павел Калинин, отец Владимир Благовещенский, отец Евгений Яхонтов и протодиакон Владимир Иллинг в своем письме митрополиту Александру писали о том, что 29 июля 1942 г. епископ Павел вернулся из Риги и принял поручение экзарха Сергия самостоятельно управлять Нарвской епархией. Данное событие священнослужители охарактеризовали как «домогательство епископа Павла на печерские и нарвские приходы и отторжение от единства Эстонской Православной Церкви с целью передачи приходов “под чуждую нам появившуюся в большевистское лихолетье власть Экзарха”» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 85). Авторы письма решительно протестовали против такого решения, отмечая, что церковная власть в Москве в июне 1941 г. призывала к борьбе против Германии, что в данный момент вносит смуту в церковную жизнь. Теперь духовные лица просили принять все зависящие от митрополита Александра меры к недопущению отделения русских приходов от единства с Эстонской Церковью. Они просили принять их самих в непосредственное ведение митрополита. Наконец, просили «в спешном порядке защитить их от репрессий Еп. Павла, которые могут начаться в ближайшие дни» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 85).

14 сентября 1942 г. член Синода ЭАПЦ протоиерей Николай Кокла направил совету Свято-Владимирского братства и протоиерею Павлу Калинин Указ Таллиннского митрополита, согласно параграфу 58 устава Эстонской Православной Церкви храм этого Братства вместе с его настоятелем переходил в непосредственное ведение Таллиннской епархии и владыки Александра с 23 августа 1942 г. (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 123). Данное решение стало ответом на рапорт Совета нарвского

Свято-Владимирского братства от 1 сентября 1942 г. (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 125).

А 11 сентября 1942 г. отец Павел Калинин отправил митрополиту Александру письмо следующего содержания: «Вчера, 10 сент., отправил Вам письмо, но забыл сообщить, что в начале будущей недели еп. Павел Дмитровский собирается быть в Таллинне. Сейчас он хлопочет себе пропуск на 14–17 сентября, мотивируя тем, что <...> ему нужно для свидания с Генерал-Комиссаром по церковным делам. Дадут ли ему пропуск и будет ли возможно выехать из Нарвы — не известно. Но Вам, полагаю, следует об этом знать, так как он, несомненно, зайдет и к Вам» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 139). В чем был смысл подобного рода предупреждений? С одной стороны, протоиерей Калинин мог опасаться примирения епископа Павла с митрополитом Александром. С другой, он все четче давал понять главе Эстонской митрополии, что является его верным сторонником и сообщает о передвижениях и действиях поборников линии экзарха. Помимо этого два церковных деятеля переписывались и по чисто хозяйственным вопросам, таким как ремонт Братской церкви (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 136).

Осенью процесс отхода от епископа Павла продолжился. Следующим его юрисдикцию покинул 18 октября 1942 г. священник Александр Гуковский, писавший в рапорте митрополиту Александру следующее: «При сем имею честь препроводить копию протокола собрания приходского совета и правления Скамейской Ильинской церкви на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства. Ввиду того, что еп. Павел отошел в ведение экзарха Сергия Митр. Литовского — должно ли поминать в подлежащих случаях еп. Павла. Испрашивая Вашего благословения в дальнейшей работе, остаюсь глубоко почитающий Вас, Владыка» ((ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 162).

19 октября того же года в Таллинн последовало следующее письмо от отца Павла Калинкина. На этот раз главной его темой стал приезд в Нарву отца Николая Верхоустинского. Семья видных православных священников Верхоустинских стала одним из главных оплотов епископа Павла (Дмитровского) на приграничных территориях. Протоиерей Калинин

особо отметил, что теперь отец Николай служил в соборе на «его месте» и, «скорее всего», проник в Нарву нелегальным путем. Епископа Павла священник обвинял в очередной лжи. На этот раз она заключалась в том, что епископ «обещал» назначить в собор протоиерея Константина Шаховского, входящего в состав клириков Псковской Миссии, однако назначил человека «с громким поведением». По мнению отца Павла, это действия «компании приверженцев экзарха». Далее протоиерей Калинин начал намекать на то, что епископ Павел грозит ему лишением сана, в случае если он будет служить в Кренгольмской или Владимирской церквях, а местные прихожане, наоборот, этого жаждут. Павел Калинин отмечал, что епископ Павел назначил его служить в Штиглицкую церковь, однако он сам не желал быть священником «на фабрике». Протоиерей высказывал мнение, что епископ Павел боится «его соседства» и всячески пытается отправить священника на другой приход, подальше от себя. Сам же Калинин уже не считал себя в подчинении епископа Нарвского и отмечал, что подчинялся, согласно последним решениям, власти митрополита в Таллинне. Опасения же отца Павла касались возможности заявления епископа с соборного амвона о том, что священник Калинин запрещен им в служении, «поношений» со стороны архиерея. Новым обострением отношения к себе со стороны епископа Павла протоиерей Калинин считал свое назначение законоучителем в Русскую гимназию Нарвы. Сам являвшийся долгое время преподавателем Закона Божия епископ рассматривал для себя возможность работы в гимназии, однако не был одобрен властями. Интересовали протоиерея Калинкина и события в Таллинне. Он знал о приезде в эстонскую столицу сторонников митрополита Сергия (Воскресенского) и просил владыку Александра рассказать об этих визитах. Наконец, он подробно рассказал о посвящении во иереи и диаконы новых лиц епископом Павлом. Особое внимание Калинин уделил тому, что назначаются лица из оккупированных районов РСФСР, и назначаются в эти же районы. Он замечал, что работа епископа Павла в этой области «кипит» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 175-176-app.).

Что же касается отношения немецких властей к разгорающемуся конфликту, то генерал-комиссар Эстонии отметил, что православные приходы Нарвы вправе переходить в подчинение митрополита Александра и выходить из юрисдикции епископа Павла (Дмитровского) (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 187). Уже в ноябре 1942 г. епископ Павел воспринял подобного рода решение генерал-комиссара как собственную победу (для понимания сущности немецкой оккупационной политики к населению оккупированных территорий Советского Союза адресуем читателя к классическим зарубежным исследованиям на данную тему)¹⁶. Разъяснял этот факт он следующим образом: гражданские власти теперь не вмешиваются в дела Православной Церкви, признают его власть, а через него и подчинение, с его точки зрения, канонической власти Прибалтийского экзарха. Циркуляры же митрополита Александра отныне не являются обязательными к исполнению. Одновременно епископ говорил о том, что подчинение экзарху является связью с канонической Матерью-Церковью, а через нее и с Вселенской Церковью, тем временем верность митрополиту Таллиннскому представляла собой «церковный тупик». Кратко воспроизведя биографию митрополита Александра, владыка Павел призвал и смешанные приходы своей епархии сделать выбор в пользу Прибалтийского экзархата и отойти от «схизмы», под которой он понимал «александровскую» юрисдикцию (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 187-arr.-188-arr.). Итак, теперь и епископ Павел (Дмитровский) сделал решительный шаг в сторону отхода от митрополита Александра и надеялся переманить в свою юрисдикцию все больше приходов.

19 октября 1942 г. епископ Павел написал митрополиту Александру критическое письмо с описанием положения дел в приходах Нарвы и Принаровья. Начал владыка Павел письмо с ситуации, сложившейся с протоиереем Павлом Калининским. Епископ жаловался на то, что митрополит согласился принять в собственное подчинение Владимирскую церковь

¹⁶ Dallin A. German rule in Russia. 1941–1945. A Study of Occupation Policies. New York, 1957; Fireside H. Icon and swastika. Cambridge, 1971; Kahle W. Die Orthodoxie im baltische Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Bd 21/22. S. 78–107.

Нарвы. Епископ отметил, что экзарх Сергей перевел протоиерея Калинкина 25 июля 1942 г. к Свято-Троицкой церкви. Причинами перевода стали интриги и настроения, которые вводил Калинкин в жизнь Нарвской епархии. Также епископ упоминал, что в случае неподчинения протоиерея Калинкина он будет запрещен в служении. Добавил глава Нарвской епархии и то, что прихожане без охоты принимали протоиерея Калинкина настоятелем, и епископу лично пришлось уговаривать прихожан. Несмотря на это, по словам епископа, сам протоиерей Калинкин отказывался от назначения на приход. Епископ явно выражал недовольство, с его точки зрения, «крайне недобросовестными» воззваниями отца Павла (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L.163). Содержало письмо и выражение недовольства в адрес самого митрополита: «Я прошу Ваше Высокопреосвященство отменить Ваше постановление о переходе Владимирской церкви в Таллиннскую епархию. Эта церковь русская, устроенная иждивением русских людей, и она должна оставаться в пределах Нарвской епархии. Вместе с тем, Ваше благословение запрещенному протоиерею совершать богослужения то в одной, то в другой церкви резко противоречит 32-му правилу св. Апостолов и другим каноническим установлениям. Если мы и дальше пойдем этим путем, то произойдет полное расстройство нашей церковной жизни» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 164). Епископ Павел был согласен с тем, чтобы Владимирский приход перешел в подчинение эстонского прихода Нарвы, однако резко противостоял передаче прихода самому протоиерею Калинкину. Для пущей убедительности он заявлял митрополиту, что православные эстонцы прекрасно знают характер протоиерея Калинкина и не пойдут с ним на переговоры. Присутствовали в письме и ноты поддержки Московской Церкви. Епископ Павел именовал ее «страдалицей и мученицей», говорил о том житейском горе, которое она пережила, и увещевал митрополита, что во время военной угрозы не стоит идти на противостояние с экзархом, а стоит с ним «сговориться». Более того, епископ Павел переходил и к крайне неприятным для митрополита Александра словам и выражениям о «маленькой жертве», которую он якобы должен принести для «общего блага». Дошло до того, что глава

Нарвской епархии говорил митрополиту Таллиннскому просто-напросто о самолюбии последнего, так как именно оно может пострадать в конфликте с митрополитом Виленским и Литовским и ничего более. Прибегнул он и к важной словесной детали. Епископ отметил, что пишет письмо в день святителей Московских, что в очередной раз должно укрепить связь между Эстонской Церковью и Русской Православной Церковью. Епископ Павел подчеркивал то, что ни один честный русский православный христианин в Эстонии в тяжелое военное время не может изменить Церкви-Матери. Призыв этот заканчивался и вовсе конкретной характеристикой предыдущей деятельности митрополита Александра: «Какой же может быть смысл и разумное основание нам, русским людям, имеющим свою Патриархию, уходить в Константинополь! Господь судил нам, эстонцам и русским, жить на смежных территориях и поэтому наш долг — стремиться к братскому единению. Во имя Христа и Его Св. Церкви, да будет между нами мир и согласие» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 164-арр.).

Итак, епископ Павел и его действия представляли собой в некоем смысле своеобразную «кальку» с того, что совершал протоиерей Павел Калинин к нему самому ранее. Теперь он также беспардонно относился к собственному архиерею, припоминая ему и возвращение в подчинение церковных властей в Москве, и стремление выйти из этого подчинения в военное время. Примечательно, что ключевой фигурой критики вновь он сделал Калинкина. В данном случае епископ Павел как бы «в последний раз» предостерегал Таллиннского митрополита от поддержки «раскола» внутри Нарвской епархии, представляя Калинкина как человека склочного и непопулярного и в среде эстонского духовенства, и пастырства. Призывы же единения с экзархом Сергием (Воскресенским) были слышны все отчетливее, несмотря на то, что митрополит Александр его власть не признавал и от подчинения ему хотел отойти.

12 октября 1942 г. уже сам митрополит Сергей (Воскресенский) написал митрополиту Александру в Таллинн странное письмо с изложением собственного видения произошедшего в православных приходах Эстонии. Митрополит

Виленский и Литовский напоминал, как год назад приветствовал в сентябре 1941 г. весть о «благополучном пребывании в Ревеле» митрополита Александра и «выражал радость освобождения от большевизма». Тогда, в сентябре 1941 г., с особой остротой для Прибалтийского экзархата встал вопрос о деятельности отца Петра Пяхкеля, который одним из первых в Петсери (Печерах) инициировал процесс отхода от церковных властей промосковской ориентации. Восстанавливая картину дальнейших событий, митрополит Сергей (Воскресенский) писал о «воплях клириков» и «сообщениях мирян», благодаря которым можно было узнать о «новом отходе» уже самого митрополита Александра. С точки зрения Прибалтийского экзарха, возглавлявший ЭАПЦ митрополит Александр в условиях нацистской оккупации «повернул руль своей церковной ладьи к тому берегу, от которого в ноябре 1940 г. по единодушному голосу паствы решительно отчалил», что было закреплено в советской столице в марте 1941 г. Этот путь «вспять» митрополит Виленский и Литовский охарактеризовал не иначе как неосуществимый, особенно отметив, что связь с церковными властями в Константинополе невозможна «ни с реальной, ни с политической стороны». Не верил экзарх и в возможность автокефалии нескольких десятков приходо-в и всего одного епископа. Помимо общецерковной лексики, целью которой была критика позиции митрополита Таллиннского, экзарх Сергей ответил и на вопрос о деятельности митрополита Сергия (Страгородского). Он указал, что высказал, в том числе в официальной прессе, собственное мнение по поводу вышедшего 22 июня 1941 г. выступления местоблестителя Патриаршего престола и отметил, что необходимо ждать решения соборного суда над митрополитом Сергием (Страгородским) из-за чего, с точки зрения экзарха, ни в коем случае не следует оправдывать разрыва с самим экзархом и «единомысленными» с ним архиереями. В довольно строгой четкой форме митрополит Виленский и Литовский отмечал, что никаких изменений в структуре управления православными епархиями Латвии, Литвы и Эстонии не предусматривается. В конце письма экзарх Сергей (Воскресенский) приглашал

митрополита Александра на архиерейское совещание 2 ноября 1942 г. В письме было сказано: «Мы должны будем определить свои отношения к Вам, и в случае окончательного разрыва с законной православной иерархией сказать свое каноническое слово в отношении Вас и широко оповестить паству Эстляндской епархии о церковной правде. Мы приглашаем Ваше Преосвященство на предстоящее архиерейское совещание»¹⁷. Также митрополит отметил, что для решения вопроса об отношении православных приходов Эстонии с Прибалтийским экзархатом в Таллинн выедут священники Иоанн Янсонс и Андрей Янсонс, верные сторонники линии митрополита Сергия (Воскресенского). Заранее отметим, что эта поездка закончится ничем, митрополит Таллиннский останется при своем мнении.

Однако достичь примирения «Риги и Ревеля» не удалось. Вскоре выпущенный указ митрополита Литовского Сергия (Воскресенского), касающийся митрополита Александра, начинался со следующего утверждения: «С сентября месяца прошлого года мы терпеливо и спокойно ждали мирного сотрудничества с нами митрополита Таллинского в устройении епархий православного экзархата Прибалтики. После большевистских угнетений и насилий над Церковью германский порядок обеспечил не только нормальную церковную жизнь, но и дал возможность нового, свободного устройства в соответствии с каноническими положениями. Епархиальная жизнь в Латвии и Литве вошла в свое нормальное жизненное русло, однако мы этого не можем сказать в отношении Эстляндской епархии. Наше мирное строительство в течение всего прошедшего времени нарушалось самочинным поведением митрополита Александра. Вначале он не отвечал на все наши письменные к нему отношения. Затем мы стали угадывать по доходившим до нас отрывочным сведениям, что он порвал молитвенное общение с нами и всеми верными нам епископами экзархата, словом, решил вновь выйти из канонического повиновения Церкви-Матери»¹⁸. Далее митрополит Виленский и Литовский пространно объяснял,

¹⁷ Православие в Эстонии. Т. 2. Документы / под ред. прот. Н. Балашова, С. Л. Кравеца. М., 2010. С. 165.

¹⁸ Православие в Эстонии. Т. 2. Документы... С. 163–164.

в каких противоправных действиях был замечен митрополит Александр. Среди них он выделил такие как: отход от единства с Матерью-Церковью, причем повторный; поддержка Печерского благочинного Петра Пяхкеля; отказ от контактов с экзархом и подчиненными ему епископами; холодное отношение к приехавшим в Таллин священникам — сторонникам Прибалтийского экзарха. После экскурсии в историю воссоединения митрополита Александра с церковными властями в Москве, митрополит Сергей запрещает митрополита Александра в служении и предаёт соборному суду архиереев; увольняет митрополита Таллиннского как нарушившего «церковный мир» от управления епархией; признаёт недействительными и все священнодействия, которые будут совершаться тем духовенством, которое сохранит верность митрополиту Александру.

Экзарх Сергей (Воскресенский) выпустил 16 ноября 1942 г. специальный указ епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому), по которому митрополит Александр вновь признавался находящимся под запрещением, в то время как те православные клирики, которые сохраняют с запрещенным главой Эстонской Православной Церкви общение, сами будут признаны находящимися под запрещением (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 431. L. 279). Немецкие власти от этого противостояния устранились. Современный эстонский исследователь протоиерей Игорь Прекуп пишет, что генеральный комиссар Эстонии лишь предоставил священникам право выбора: подчиняться епископу Павлу или же митрополиту Александру¹⁹.

В Нарве противостояние продолжалось не менее сильно. 20 ноября 1942 г. протоиерей Павел Калинин в письме одному из эстонских священников в очередной раз в негативном свете представил владыку Павла (Дмитровского): «Вчера 19 XI получил Ваше циркулярное сообщение о положении нашей Церкви. Все мы этому очень рады. Я сразу же оповестил об этой доброй вести кого следует. Прочел отцам и письмо, которое получил от Вл. Митрополита. Все поражены и вот почему. 15 ноября с. г. еп. Павел Дмитровский по приезде из Риги, сообщил с кафедры собора о том, что епископское совещание

¹⁹ Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллин, 1998. С. 30.

решило уволить Вл. Митрополита на покой, а управление Тал. Епархией передать экзарху и ему, Павлу. Это вызвало страшное волнение в городе. Срамил он в соборе и Митрополита, и меня, как не подчиняющихся. Но вот теперь дело принимает совсем иной оборот. Надо ему теперь самому уходить» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 183). Исходя из вышеприведенной цитаты, может возникнуть мнение, что отец Павел Калинин полностью соединил свои действия с личностью митрополита. В переписке с другими священниками он доказывал «нелигитимность» действий другой стороны в лице епископа Павла. Также слухи о происходящих в Нарве событиях довольно быстро распространялись и по всей епархии.

24 ноября 1942 г. вышло циркулярное письмо епископа Павла (Дмитровского) по поводу ситуации в Эстонии благочинному Ревельского русского округа протоиерею Иоанну Богоявленскому. В нем говорилось, что «Русская Нарвская епархия генерал-комиссаром Эстонии зарегистрирована» и теперь можно «перейти к созидательной работе в непосредственном единении с законным Предстоятелем нашей Матери-Церкви в Остланде митрополитом экзархом Сергием»²⁰. Епископ Павел упоминал циркуляр митрополита Александра от 14 октября 1941 г. и одновременно с этим благодарил генерал-комиссара за то, что он «освободил церковную жизнь от всякого вмешательства во внутреннюю церковную жизнь представителей гражданской власти». Единственным представителем автокефальной Церкви пределах Остланда епископ Павел назвал митрополита Сергия (Воскресенского), напомнив о единении с духовной Матерью — Русской Православной Церковью. Путь к митрополиту Александру для него — «церковный тупик», особо владыка Павел в данном случае подчеркнул события 1923 г. и 1940 г., показав непоследовательность в действиях митрополита Таллиннского и Эстонского. Довольно смелым стало заявление епископа Павла о собственной уверенности, что ни один русский приход не перейдет в ведение митрополита Александра, более того, у епископа Павла была уверенность, что эстонские и смешанные приходы также сделают

²⁰ Православие в Эстонии. Т. 2. Документы... С. 171.

«правильный» выбор²¹. Также указывалось, что теперь митрополит Таллиннский «находится в схизме», в связи с чем должна поступить информация с мест о том, что «молитвенное общение» с ним прервано; молитвенно-каноническое общение с Матерью-Церковью и экзархатом, наоборот, восстановлено; указан адрес, по которому соответствующую информацию следует направлять (епископа Павла и самого экзарха).

12 декабря 1942 г. отец Павел Калинин писал митрополиту Александру о циркуляре епископа Павла от 24 ноября 1942 г. В письме протоиерей подчеркивал, что он не относится к «Советской церкви», в связи с чем он не собирался исполнять циркуляры, подписанные епископом Павлом. Также Калинин утверждал, что в дальнейшем его освободят от циркуляров «Экзархата». Протоиерей Калинин заверил митрополита Александра в том, что он выполняет все его распоряжения. Так, в частности, он получил послание Вырусского благочинного и выполнил его. Обещал протоиерей Павел Калинин и донести до духовенства и верующих информацию о епископе Павле: «Намерен я и побеседовать с народом и о великой брехне еп. Павла. Пусть знают, как много лживого и неприличного позволил он с соборной кафедры. Теперь и у меня есть место, с которого мне не отвечать зажавшемуся епископу Советской церкви» (ЕАА. Ф. 1655. № 3. С. 430. Л. 204). Кроме того, отец Павел особенно оговорил, что ближайшие богослужения он намеревается отслужить уже по новому стилю. Владыку Павла он именовал в этот раз «новомодным старостильником», попавшим сейчас в конфуз. Особенно Калинин настаивал на том, что его не пускали по указанию епископа Павла в Кренгольмскую церковь, а также запрещал сослужить с другими священниками. 6 декабря 1942 г., если верить отцу Павлу, епископ запретил выдачу просфор священнику, однако эта «потеха» провалилась. Говорил он и о высылке начальника канцелярии и благочинного Нарвского кафедрального собора Николая Верхоустинского. Наконец, заканчивал протоиерей Павел Калинин уже понятным пожеланием «исчезновения» Советской церкви (ЕАА. Ф. 1655. № 3. С. 430. Л. 204).

²¹ Православие в Эстонии. Т. 2. Документы... С. 172.

Митрополит Александр в своем ответе священнику Калинкину уверял его в том, что почти все духовенство Эстонии остается верным таллиннским властям. В частности, он говорил о том, что «волкам в овечьей шкуре» противостоят священники и в Тарту, и в Пярну, и на острове Эзель (Сааремаа). Писал митрополит и о лживости и тенденциозности всех «указов» и «циркуляров» «Московско-советской церкви». Говорил в письме митрополит Александр и о том, что необходимо отойти от нападок сторонников «истинного Православия» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 205-205-арр.).

16 декабря 1942 г. из Синода ЭАПЦ было отправлено письмо в адрес митрополита Сергия (Воскресенского), автором которого был протоиерей Николай Кокла. Оно состояло из двух основополагающих пунктов. В первом говорилось, что и митрополит Александр, и приходы с пастырями, которые входят в его ведение, не имеют и не желают иметь никакого общения с представителями «Московской Церкви». Вновь прозвучал в письме и мотив отхода от митрополита Сергия (Страгородского) в связи с посланием последнего от 22 июня 1941 г., с упоминанием отождествления нацистов с «фашиствующими разбойниками» и обозначением Иосифа Сталина в качестве «Богом избранного вождя». Интересно, что отец Николай упомянул, что эмигрантские православные общины в Западной Европе, Сербии, Болгарии, Палестине и других странах также отошли от подчинения Москвы, как и «православные жители Украины и Белоруссии». Второй пункт был жестче и определеннее: «На основании вышеизложенного Эстонская православная митрополия не признает своим архипастырем Вас, как ставленника и представителя Московской Церкви, появившегося в Прибалтике во время власти большевиков и при условиях их террористического режима, не придает никакого значения и силы Вашим угрозам о схизме, о запрещении в священнослужении своих пастырей, об увольнении от должности и предании суду, а Ваши указы оставляет без всякого внимания и исполнения»²².

30 декабря 1942 г. вышло новое циркулярное письмо митрополита Александра (Паулуса), довольно пространное по своему

²² Православие в Эстонии. Т. 2. Документы... С. 174.

размеру. Приводить и анализировать его в полном объеме мы не будем, оно также состоит из экскурса в события, связанные с недавним прошлым православия в Эстонии. Однако есть в нем и фрагмент, напрямую относящийся к событиям в Нарвской епархии. Митрополит Александр отметил, что ни один смешанный или русский приход не перейдет в подчинение экзарха и епископа Павла. Позицию последнего митрополит Таллиннский охарактеризовал как «эксцентричную и просто поразительную». Митрополит Александр (Паулус) удивился, насколько «растроганно» епископ Павел пишет о «великой родине» и «Матери Церкви», попутно с этим напоминая, что будущий глава Нарвской епархии покинул Россию в период Гражданской войны. Далее митрополит Александр как бы вопрошает: «в таком случае непроизвольно возникает вопрос: каким образом он тогда расстался со своей великой родиной и Матерью Церковью и переселился оттуда в чужую Эстонию, куда его никто не звал и не приглашал. Утешение епископ Павел нашел разве что в том, что его ближайшим соратником, настоятелем и благочинным нарвского собора, а также главой канцелярии Нарвской епархии был назначен отец Николай Верхоустинский, который известен как личность с очень разносторонними наклонностями и своеобразным опытом»²³.

В завершении своего циркулярного письма митрополит Александр высказывал надежду на то, что после окончания войны и с наступлением мирной эпохи в жизни Нарвской епархии начнут светить лучи Света Христова во всем великолепии и чистоте и выведут всех на стезю Христовой правды и света.

После подобных взаимных обвинений и заявлений становилось понятно, что какой-либо почвы для дальнейшего примирения враждующих сторон просто не было. Скорое возведение в сан архиепископа владыки Павла означало ни что иное как поддержку со стороны Прибалтийского экзарха и «фактическую» легализацию его полномочий в Эстонии. Нарратив же митрополита Александра и его сторонников также был очень прост. Они подводили к мысли о том, что воссоединение 1941 г. и события «первого советского года»

²³ Православие в Эстонии. Т. 2. Документы... С. 183.

были ни чем иным как действиями атеистического советского государства, которые поддержали сторонники Московской Церкви в Эстонии и само священноначалие. С момента нападения Германии на СССР все встало на свои места, и митрополит Сергей (Страгородский) открыто поддержал советскую власть и лично Сталина, осудив нацистов. Находящееся же на временно оккупированной территории православное духовенство не должно было следовать логике размышлений о Матери-Церкви и могло, а зачастую и должно было покинуть пределы Русской Православной Церкви и вернуться в свою юрисдикцию, теперь зарегистрированную как Эстонская митрополия. Положение перед схваткой, которое заняли немецкие власти, только подстегивало этот конфликт. Однако, по большому счету, обе стороны были довольны этим статусом кво. Регистрация показывала, что гражданские власти, симпатизировавшие той или другой стороне, не будут играть столь серьезной роли, как в первый период немецкой оккупации. Единственным исключением как раз был район Нарвы. Здесь продолжали оставаться приходы, как подчиняющиеся архиепископу Павлу (Дмитровскому), так и находящиеся к нему в явной оппозиции. Наконец, здесь находился и протоиерей Павел Калинин, выполнявший функцию «глаз и ушей» митрополит в Нарве. С наступлением нового 1943 г., как мы увидим в дальнейшем, он сохранит за собой эту важную прерогативу, что поможет ему в ходе событий, в том числе при отступлении немцев из пределов Нарвской епархии.

В письме от 30 января 1943 г. протоиерей Павел Калинин описывал сложную военную обстановку с Нарвой в связи с усиливавшимися бомбардировками. Весь январь месяц протоиерей назвал «очень тревожным и тяжелым». Жители Нарвы, если верить священнику, стали чаще съезжать с окраин города в его центр. В подвалах города, согласно протоиерею Павлу Калинин, очень холодно, нет отопления. Лучше всего укомплектованы городские бомбубежища. Особенно тяжелой была ночь с 14 на 15 января, когда советские самолеты летали над городом 12 часов, а также следующая ночь, когда бомбардировки начались в 18 часов и закончились ночью

(в основном пострадал центр города). Отметим отец Павел и те дома, которые особо пострадали, в частности, дом почившего отца Алексея Павского. В одной из церквей находилась игуменья Тавифа, которая, в отличие от других, осталась в церкви, но выжила. В целом же в городе, согласно протоиерею, были повреждены и разрушены более двух десятков домов. С 25 января новых налетов не было (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 228-228-арр.). Поднимался в этот раз снова и вопрос о том, что епископ Павел распространял в среде духовенства «экзаршую» литературу. Согласно протоиерею Калинкину, документы, вышедшие из-под пера митрополита Таллиннского, воспринимаются хорошо, в то время как большинство священников не принимает указы из Риги. Единственное, о чем жалеет Калинкин: из Таллинна документы приходят с большим опозданием. Помянули за богослужением и почившую игуменью Пюхтицкого монастыря Иоанну (Коровникову). Особенно протоиерей Калинкин отметил, что отпевание игуменьи совершил лично митрополит Александр. Что касается награждения саном игуменьи монахини Тавифы, то протоиерей отмечал, что эта новость очень обрадовала местное духовенство. Оглашено было это решение на Рождество еще одним явным сторонником митрополита Александра в Нарве — отцом Александром Захаровым. Новым же «фронтом» противостояния в Нарве стал вопрос о передаче священником Андерсеном свеч епископу Павлу. Теперь эти свечи потребовали вернуть, однако епископ отказался, заявив, что условием к его согласию может быть запрещение служения протоиерея Павла Калинкина в Кренгольмской церкви. Подобного рода решение протоиерея Калинкин сравнивал с действиями главы Нарвской епархии в деле выдачи просфор, он видел тут очевидную аналогию. Отца Георгия Андерсена Калинкин охарактеризовал, как человека слабого и безвольного, чем пользуется «советский архипастырь» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 229-арр.). Не без ехидства протоиерей Калинкин говорил о том, что благодаря таким «доблестям» он был «награжден» митрополитом Сергием (Воскресенским) саном архиепископа. Особенно важной для митрополита Александра была

информация о том, что на тот момент переход большей части приходов в ведение экзархата еще не был оформлен. Обрадовал митрополита Таллиннского протоиерей Калинин и информацией о том, что «экзаршая литература» в пределах Нарвы еще не оглашалась. В качестве примера священника, который активно поддерживал экзарха Прибалтики, протоиерей приводил священника Соковенина, которому «посулили» протоиерейский сан. В числе других близких к епископу Павлу священников назван был отец Николай Недремский, который замещал отца Николая Верхоустинского (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 229-арр.).

5 февраля 1943 г. последовал ответ от митрополита Александра. Он подчеркивал, что ранее не имел точной информации о «нарвских делах». Глава Эстонской митрополии выражал недовольство и удивление «способом», с помощью которого епископ Павел хотел освободиться «от свечного долга». Митрополит считал, что именно в таких поступках выявляется «подлинный облик» главы Нарвской епархии. Как бы между делом митрополит Таллиннский отмечал, что ситуация становится все благоприятней. Также архиерей передавал слова поддержки через протоиерея Павла Калининна и другим священникам, солидарным с протоиереем: отцам Владимиру Благовещенскому и протодиакону Владимиру Иллингу (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 235).

19 марта 1943 г. протоиерей Павел Калинин снова писал митрополиту Александру о событиях в Нарве. Он отмечал проблемы прошлого, которые имели место в епархии, а также те достижения, которые были характерны для Нарвской епархии в это время. Однако протоиерей признался, что на протяжении нескольких месяцев он ничего не делал, так как представители «Сталинской церкви» парализовали его волю. Тут же протоиерей отметил, что отныне под сильным руководством главы Эстонской митрополии «крепко стоит на ногах». Он также отметил, что беспримерное «хамство», а также отождествления отца Павла с «кощунником» и «татью» стали характерной чертой в жизни епархии. Однако подобного рода действия и угрозы, по мнению Калининна, только укрепили позиции протоиерея Калининна и солидарного с ним духо-

венства. В письме епископ Павел назван протоиереем Павлом Калининским «шефом», который теперь настроен на заключение «мира» с «кощунником». Поводом для этого умозаключения стал визит к протоиерею со стороны старосты собора В. С. Нечаева. Староста передал священнику, что архиепископ Нарвский хочет его видеть, а сам соборный приход желает вновь видеть в числе своих пастырей протоиерея Калинкина. Несмотря на нежелание, все же он пошел 6 марта 1943 г. на встречу с епископом Павлом (Дмитровским). Общий тон встречи протоиерей Калинин обозначил как сдержанный. Если верить Калининскому, то он был готов личные оскорбления забыть, однако оставался непреклонен в вопросе неприятия юрисдикции «Советской церкви», а также того факта, что епископ Павел публично глумился над верными митрополиту Александру приходами и священниками и увел часть из них в подчинение Прибалтийскому экзархату. В связи с этим, опять же, если считать изложенное в письме достоверным, протоиерей высказал епископу мнение, что тот должен принести покаяние высшим властям, т. е. митрополиту Александру, и вернуться в его подчинение. Беседа перешла на повышенные тона, когда протоиерей Калинин дерзнул вспомнить в своем разговоре журналиста Дмитрия Ишевского, который окружал экзарха Сергия (Воскресенского) в «первый советский год», а также факт неприятия многих церковных иерархов как на территории СССР, так и за его пределами, московских церковных властей (упомянул он и книгу «Соборность Церкви» на тот момент почившего митрополита Елевферия (Богоявленского). Показал протоиерей Калинин архиепископу Нарвскому и иллюстрацию «За Русь Святую», после чего разговор принял еще более конфликтный характер. По мнению Калининского, в потоке эмоций архиепископ высказал суждение о том, что лучше бы Прибалтийским экзархом была бы менее одиозная фигура, чем митрополит Сергий (Воскресенский). Особенно «враждебный тон» беседы показывает то, что титул архиепископа Павла протоиерей Калинин именовал как «Нарвский и Кингисеппский», в очередной раз связав его с советской властью. Закончилось письмо все теми же «отеческими заботами и трудами» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 250-250-арр.).

Выше нами не был рассмотрен еще один вопрос, относящийся ко всему периоду нацистской оккупации — являлся ли протоиерей Павел Калинин тем человеком, который возрождал церковную жизнь на временно оккупированных территориях РСФСР, в приграничных районах Ленинградской области? И если являлся, то к какой юрисдикции он в ту пору относился?

У современных исследователей на этот счет имеются полярные мнения и подтвержденные сведения. Естественно, они зависят от источников, на которые исследователи опираются, и степени ангажированности этих сведений.

В 2001–2002 гг. в свет вышли два номера журнала «Санкт-Петербургские епархиальные ведомости», в которых одной из тем были события, связанные как с положением дел в Нарвской епархии, так и с деятельностью Псковской Православной Миссии в годы войны. Так, в № 25 за 2001 г. отец Павел Калинин был указан как священник Спасо-Преображенского собора, в котором служил с 1938 по 1942 г.²⁴ Следующие два года, если верить изданию, отец Павел служил уже в Свято-Троицкой церкви Нарвы²⁵. При описании же истории церкви при Владимирском братстве упомянут тот факт, что священник Калинин служил в ней более 25 лет, с 1918 по 1944 г., в период Второй мировой войны Владимирское братство прекратило свое существование²⁶. Других упоминаний о служении протоиерея Павла Калинина во время нацистской оккупации в этом номере не содержится.

В номере за следующий 2002 г. отмечалось, что протоиерей Павел Калинин входил в состав Псковской Миссии. Более того, он приводился первым при описании миссионеров из Эстонии со следующей характеристикой: «В 1941–1942 гг. — настоятель Нарвского Воскресенского собора, в 1942–1944 гг. — настоятель св. Троицкой (Штиглицкой) ц.[еркви],

²⁴ Священники Спасо-Преображенского собора // Санкт-Петербург. епарх. ведомости. 2001. № 25. С. 70.

²⁵ Священники Свято-Троицкой церкви // Санкт-Петербург. епарх. ведомости. 2001. № 25. С. 79.

²⁶ Церковь св. равноап. князя Владимира при Нарвском отделении Санкт-Петербургского епархиального Братства во имя Пресвятой Богородицы (Свято-Владимирского братства) // Санкт-Петербург. епарх. ведомости. 2001. № 25. С. 80–81.

священник Спасо-Преображенского собора в Нарве, окормлял в 1942–1944 гг. приходы в Ямбургском уезде С.-Петербургской епархии: Сойкино, Удосолово, Краколье. Остался в Эстонии. В 1957 [г.] служил в Таллинне в храме пригорода Коппель (Копли)»²⁷. Впоследствии местами служения отца Павла назывались Михайло-Архангельская церковь в Удосолово, Никольская церковь в Сойкино, Никольская церковь в Краколье²⁸. Также, и на этот раз, в число приходов, в которых служил отец Павел, отнесли нарвские приходы: Свято-Троицкий, Князь-Владимирский и соборный²⁹.

А вот в статье И. В. Попова уже даны сведения о том, что нарвское духовенство, в число которого отнесен и протоиерей Павел Калинин, служило на территории РСФСР для возрождения там приходской жизни: «В годы Второй мировой войны (1941–1944 гг.) правящий архиерей Нарвской Русской епархии Преосвященный Павел (Дмитровский) по просьбе верующих западных районов С.-Петербургской епархии, прилегающих к бывшей Эстонской границе, принял в окормление ряд приходов в этой части епархии, которые окормляли клирики из Нарвы: прот. Александр Степанов, прот. Павел Калинин, священник Михаил Рауд, священник Николай Недремский и др. Богослужения были возобновлены в приходах Ополе, Кёрстово, Краколье, Кейкино, Удосолово, Сойкино, Ратчино, Низы и др.»³⁰. При этом каких-либо разъяснений по поводу статуса этой «своеобразной миссии» в данном отрывке не приведено вовсе. Однако, исходя из этой цитаты, мы можем заключить, что именно епископ Павел (Дмитровский) еще в 1941 г. отправил целую группу православного духовенства из Нарвы на прилегающие российские территории для того, чтобы восстановить там церковную жизнь и помочь местным жителям в открытии храмов. Сразу же вызывает большие

²⁷ Миссионеры из Эстонии // Санкт-Петерб. епарх. ведомости. 2002. № 26–27. С. 18.

²⁸ Ямбургский уезд // Санкт-Петерб. епарх. ведомости. 2002. № 26–27. С. 55.

²⁹ Ямбургский уезд // Санкт-Петерб. епарх. ведомости. 2002. № 26–27. С. 56.

³⁰ Попов И. В. Пастырь из Ложголово. Протоиерей Николай Недремский // Санкт-Петерб. епарх. ведомости. 2002. № 26–27. С. 115.

сомнения факт того, что в состав этой группы священства вошли такие разные по своим взглядам священники и диаконы, как отец Павел, с одной стороны, и будущий иерей Николай Недремский — с другой. Единственное объяснение этому может лежать в той плоскости, что в 1941 г. такого серьезного конфликта между епископом и отцом Павлом не было, и он, повинаясь решению главы Нарвской епархии, отправился в Россию. Однако же, если мы начнем восстанавливать описанные ранее события, то наткнемся на документальные свидетельства того, что конфликт между двумя церковными деятелями начал разгораться практически сразу после начала нацистской оккупации Эстонии и уже к концу 1941 г. — началу 1942 г. приобрел затяжной и вполне определенный характер. В связи с этим могла ли эта группа пастырей быть отправлена не по решению епископа Павла (Дмитровского), а волею митрополита Александра (Паулуса)? Подобный вариант развития событий также вполне вероятен, ведь окончательного разделения между двумя архиереями в начале 1942 г. не было, между ними еще шла переписка, в ходе которой оба представителя Эстонского Православия представляли собственное видение ситуации. Однако события в РСФСР в этой связи там упоминаются крайне редко и не становятся темой длительного обсуждения, как те же самые «нарвские» дела.

Обратимся теперь к позиции других исследователей. В книге «Церковь против большевизма», изданной профессором М. В. Шкаровским в соавторстве с иереем Ильей Соловьевым, приводятся те же приходы, что и в издании 2002 г., в которых служил отец Павел Калинин в условиях нацистской оккупации³¹. О том, к какой юрисдикции принадлежал отец Михаил, и об этих приходах в этом исследовании не говорится.

Наиболее ранней работой, в которой приведены данные об организованном служении православного духовенства с территории Эстонии в РСФСР, стал небольшой материал из «Журнала Московской Патриархии» под названием «Юбилей архипастыря»³². В ней кратко воспроизводится путь служе-

³¹ Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ. Церковь против большевизма. М., 2013. С. 272–273.

³² Юбилей архипастыря // Журн. Москов. патриархии. 1945. № 9. С. 45–46.

ния архиепископа Павла (Дмитровского), многие острые углы здесь, по понятным причинам, обойдены стороной. К числу «положительных» характеристик владыки Павла отнесено то, что он «не примкнул к белоэмигрантам», «не старался подладиться к верхушке эстонского буржуазного правительства», а после 1939 г. стал «одним из первых видных инициаторов воссоединения с Московской Патриархией и радостно приветствовал состоявшееся принятие Эстонской епархии в лоно Московской Патриархии»³³. Главный антагонист владыки Павла, митрополит Александр (Паулус), по мнению авторов заметки, наоборот «отказался от общения с Московской Патриархией» и «открыто стал на сторону поддержки гитлеровского фашизма». Любопытно другое: в материале упомянут к тому моменту уже убитый неизвестными митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) (по имени он не назван, просто титулован экзархом Прибалтики), который наградил «за верность Московской Патриархии» и «за борьбу со схизматиками» владыку Павла саном архиепископа. Далее следует не менее интересный отрывок, как раз связанный с проблематикой отправки группы духовенства на Северо-Запад России: «Духовенство Волосовского и Кингисеппского районов Ленинградской области, временно очутившееся в немецкой оккупации, не желая подчиняться Псковской духовной миссии, организованной немцами, проводившей открытую антисоветскую политику, — обратилось к преосвященнейшему Павлу с просьбой о принятии их в общение. Епископ Павел сначала отказал, основываясь на том, что канонические правила запрещают ему вмешиваться в чужую епархию. «Ленинградский митрополит, — сказал епископ Павел, — будет потом осуждать меня». В этих словах он высказал не только свой правильный канонический взгляд, но и твердую уверенность в победе Красной Армии над германским фашизмом. После вторичной умоляющей просьбы духовенства о принятии их в управление, так как Церковь не может быть без епископа, епископ Павел согласился принять их с оговоркой: «Не в управление, а в духовное

³³ Юбилей архипастыря // Журн. Москов. патриархии. 1945. № 9. С. 45.

окормление»³⁴. Таким образом, одно из главных «детей» экзарха Сергия (Воскресенского) в данном случае раскрытковано в том числе за свое отношение к оккупационным властям, а епископ Павел, наоборот, представлен как человек, нашедший путь к разрешению канонического спора. В тексте статьи сказано, что подчинение ряда приходов Ленинградской области владыке Павлу соответствовало «сплочению русских людей», в то время как деятельность Псковской Миссии классифицировалась в церковном официозе не иначе как «измена Родине». Следует отметить, что в момент выхода номера продолжались аресты людей, которые имели прямое или косвенное отношение к Псковской Миссии, созданной в 1941 г. по инициативе экзарха Прибалтики для возрождения приходской жизни на Северо-Западе России. Более того, как сама личность митрополита Сергия (Воскресенского), так и деятельность многих сослужащих с ним священников, именовалась в таких обстоятельствах антигосударственным актом. Архиепископа же Павла пытались в данном случае всячески «отделить» от личности митрополита Сергия и показать, что его позиция в период нацистской оккупации разительно отличалась. Сказано в тексте и о богослужении архиепископа Павла в Ямбурге (Кингисеппе) 24 ноября 1943 г., во время которого, по мнению авторов статьи, он поминал как митрополита Сергия (Страгородского), так и митрополита Алексия (Симанского)³⁵.

Насколько можно доверять данным из этой статьи? По косвенным свидетельствам можно установить имена тех священников, которые приехали из Нарвы и окрестностей на территорию РСФСР, так же как и тех «подсоветских» пастырей, которые вернулись к своему служению в условиях войны. Однако точных подтверждений, что они вошли в подчинение именно епископа, а впоследствии архиепископа Павла, нет.

Сохранилось очень примечательное письмо, автором которого был один из «подсоветских» священников. Письмо было адресовано митрополиту Александру (Паулусу) и содержало следующую информацию: «Я русский православный священ-

³⁴ Юбилей архипастыря // Журн. Москов. патриархии. 1945. № 9. С. 45–46.

³⁵ Юбилей архипастыря // Журн. Москов. патриархии. 1945. № 9. С. 46.

ник, находящийся в настоящее время в одной из освобожденных областей в 70 км от г. Нарвы, обращаюсь к Вам с покорнейшею просьбою оказать мне свою милость: принять меня священником в Эстонскую Митрополию под свое высокое покровительство Автокефальной Апостольской Церкви. 5 лет с 1930 по 1935 г. я томился в тюремном заключении у большевиков во время Освободительной войны, будучи эвакуированным в освобожденную территорию, я ожидал видеть возрождение русского «православного» народа. Но ничего подобного не произошло и не происходит. Умоляюще прошу Вас — выведите меня из среды людей, неизменно пораженных большевистской проказой и сделайте полезным служителем Церкви Божией в Вашей Митрополии» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 147–148). Далее священник указывал и некоторые штрихи из собственной биографии. В частности, он отмечал, что родился в Новгородской епархии, образование получил в Новгородской Духовной семинарии, которую окончил в 1916 г. Датой собственного рукоположения он назвал 21 августа 1922 г. Также пастырем было отмечено, что он имел награды «до камилавки включительно». Есть в письме и «мотив» преследования большевистскими властями. Так, священник указал, что в 1930 был арестован «славными органами НКВД» и осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей, затем выпущен на свободу, однако «измучен физически и нравственно». Пастырь отмечал, что вернулся к служению в Православной Церкви в ноябре 1941 г. Назвал себя он Н. М. Петровым. Письмо датировано 14 августом 1942 г., местом отправки являлась станция Вруда, Волосовская военная комендатура (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 147–148).

Кем был таинственный священник Петров, ожидавший присоединения к Эстонской митрополии? Сопоставив все имеющиеся архивные данные, мы можем предположить, что речь идет об отце Николае Петрове, родившемся 3 декабря 1894 г. в селе Никифорово Устюженского уезда Новгородской губернии в крестьянской семье. В период Первой мировой войны этот священник обучался в Новгородской духовной семинарии (полное совпадение с приведенными в письме

данными). В сан иерея его хиротонисал епископ Крестецкий, временно управляющий Новгородской епархией Серафим (Велицкий) 21 августа 1922 г. (опять же полное совпадение с данными письма митрополиту Александру (Паулусу)³⁶. В обновленчество отец Николай, если верить данным его послужного списка, не переходил, местом своего служения называл храм Параскевы Пятницы в родном селе.

Однако некоторые важные моменты из собственной биографии отец Николай упустил. В 1920 г. Петров окончил Военно-хозяйственную академию в Москве, т. е. по окончании Новгородской Духовной семинарии в период, последовавший за свержением монархии, он не хотел быть священником, служил в Красной Армии³⁷. Непродолжительное время Николай Петров трудился в Духовном училище в Устюжне, а по его закрытии был инспектором по дошкольному образованию³⁸. В 1920-е гг. отец Николай получил следующие церковные награды: 1924 г. — набедренник, 1926 г. — скуфью, 1930 г. — камилавку (полное совпадение с приведенной в письме информацией)³⁹. С 1931 г. Николай Петров оставил церковное служение и трудился рабочим на фабрике имени Максима Горького⁴⁰. Последние факты, наоборот, противоречат тому, что отец Николай указал в написанном в условиях нацистской оккупации письме. Данный факт можно объяснить тем, что служба в РККА в годы Гражданской войны могла быть негативной характеристикой для священника в советские годы, а в условиях нацистской оккупации интерпретирована как вполне лояльное поведение. Аналогичная ситуация с заключением. Отец Николай всячески хотел показать себя противником советского строя и подчеркивал не всегда соответствующие действительности факты притеснений со стороны большевистского государства.

Еще один примечательный факт: 1 декабря 1941 г. отец Николай был назначен епископом Павлом (Дмитровским) настоя-

³⁶ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 2об.

³⁷ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 12.

³⁸ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 12.

³⁹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 9об.

⁴⁰ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 9.

телем Успенской церкви во Вруде⁴¹. В этом приходе он прослужил до августа 1943 г., пока не был перемещен к Георгиевской церкви в Ложголово. Следовательно, подтверждается факт того, что священник вернулся к служению в период нацистской оккупации, причем вернулся к указанному в письме месту — к знаменитой Успенской Церкви в Большое Вруде, в которой в дореволюционный период служил знаменитый, ныне канонизированный Константинопольским патриархатом отец Алексей Медведков (Алексий Южинский). Но интересно и другое: к служению он вернулся благодаря епископу Нарвскому Павлу (Дмитровскому). Почему же отец Николай Петров решил «развернуться» в сторону митрополита Александра летом 1942 г.? Сделаем осторожное предположение, что после того, как произошло разделение между епископом Нарвским и митрополитом Таллиннским, часть «подсоветского» пастырства решила изменить свое отношение к Нарвскому архиерею. В начале оккупации он считался лицом «несоветским», зависящим от церковных властей в Таллинне. Теперь же у ряда духовных лиц, которые также наблюдали за обращениями митрополита Сергея (Страгородского) в Москве, могли возникнуть претензии к подчинению Прибалтийскому экзархату. Наконец, приезд на территорию Северо-Запада России сторонников митрополита Александра и, в первую очередь протоиерея Павла Калинкина, тоже мог сыграть определенную роль.

На данный момент документы, благодаря которым можно было бы подтвердить, что и другие священники приграничных северо-западных районов РСФСР решили перейти в подчинение Эстонской митрополии, нам обнаружить не удалось. Хочется отметить, что началом организации в этом регионе приходов стала осень 1941 г. Первоначально все духовенство, скорее всего, тяготело к епископу Павлу, как к архиерею, находящемуся ближе всего к границе, а не к Псковской Миссии. Постепенно эта ситуация изменилась.

События же в самой Нарве развивались не менее стремительно. В 1943 г. переписка между таллиннским архиереем и его сторонником русским священником продолжилась: «Очень

⁴¹ Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 1. Оп. 3(2). Д. 235. Л. 11.

благодарен Вам за отчет и сведения о Кренгольмском приходе и о Владимирском братстве в минувший /1942/ год. Весьма похвально, что Вы в самое тяжелое и опасное время продолжаете усердно и энергично трудиться во славу Божию и на благо Ближним. Господь да вознаградит Вас за добрые труды и усердие» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 243). Благодарил митрополит и за присланные приходом денежные средства. Основной темой переписки стали «внешние» события, в первую очередь «международная» деятельность Русской Православной Церкви и ее епископата. Митрополит Александр особенный акцент делал на то, что из берлинской газеты узнал о деятельности митрополита Сергия (Страгородского). Последний пожертвовал, как сказано в письме, 100 000 рублей «возлюбленному Сталину» на постройку танков. Владыка Александр отмечал, что экзарх Сергей продолжал подчиняться своему «Московскому шефу» и поминал его за богослужениями (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 243-243-арр.). Пополняет «портрет» будущего московского патриарха фраза о его материальном достатке. Митрополит Александр писал, что митрополит Сергей (Страгородский) не был ни в каком «изгнании» после 1925 г. и пользовался всеми благами, предоставленными советскими властями: ездил на «интуристских машинах», смог выстроить дачу под Москвой. Архипастырь и пастырь обсуждали в письмах и такие моменты, как советские бомбардировки эстонских городов. В частности, митрополит Александр писал, что в эстонской столице 14–15 февраля 1943 г. произошло «то же, что у Вас в Нарве» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 243-243-арр.).

Еще одной «ареной» противостояния между архиепископом Павлом (Дмитровским) и протоиереем Павлом Калининским стал Пюхтицкий монастырь, один из главных религиозных центров Эстонии. Поддерживал митрополита Александра (Паулуса) протоиерей Павел Калинин и в деле приведения аргументов в защиту юрисдикции митрополита Александра среди насельниц Пюхтицкого монастыря. Современный эстонский исследователь Сергей Мянник по этому поводу отмечает: «Через год в июле 1943 года протоиерей Павел Калинин обратился уже к игуменье Алексии с разъяснением

позиций митрополита Александра и епископа Павла, а также с настоятельной просьбой: «Держитесь, дорогая матушка, своего законного митрополита и впредь». Вероятно, обитель старалась остаться в стороне от сложных и противоречивых вопросов канонической принадлежности, и у окружения главы эстонской митрополии были опасения, что монастырь может перейти к экзарху»⁴². Тот же историк признает факт того, что «достаточное количество» русских священников Нарвской епархии осталось в подчинении митрополита Александра. Среди тех, кто особенно рьяно агитировал за владыку Александра, Мянник тоже выделяет отца Павла Калинин. В подтверждение своих слов исследователь приводит одно из писем Калинин, в котором протоиерей повествовал, как епископ Павел в соборе во время проповеди критиковал, «бесстыдно агитировал» против митрополита Александра, характеризуя последнего «клятвopеступником и изменником»⁴³. Историк отмечает, что подобная отцу Павлу позиция вполне резонна в условиях войны. Говорит он и о других священниках, которые продолжили отправлять Таллиннскому митрополиту сообщения и поздравления в условиях оккупации.

Подтверждают проблему взаимоотношений митрополита Александра и Пюхтицкого монастыря в контексте служения протоиерея Павла Калинин и архивные документы. 19 июля 1943 г. отец Павел писал митрополиту Александру, что до него дошла информация о переписке между игуменьей Алексией (Голубевой) и владыкой Павлом. Если верить отцу Павлу, то глава Нарвской епархии отговаривал настоятельницу от поддержки митрополита Александра. В качестве угрозы епископ Павел, если верить протоиерею Калинин, говорил о запрете на проезд на праздник паломников в обитель. В письме отец Павел заметил, что на протяжении месяца архиепископ был в больнице, выехал оттуда в Ольгин Крест. Судя по письму, у архиепископа болела нога, о его реальном состоянии отец Павел не знал. Кратко он описал и общее состояние дел в Нарве и Принаровье. Упомянул священник и о панихиде по ушедшему из жизни два года назад

⁴² Мянник С. Митрополит Таллинский и вся Эстонии Александр (Палус) // Православие в Балтии. 2018. № 8 (17). С. 141.

⁴³ Мянник С. Митрополит Таллинский... С. 142.

отцу Константину Колчину, на которой присутствовало много верующих. Также протоиерей писал о праздновании 20-летия Эстонской митрополии. Протоиерей заявил, что верующих собралось «достаточно», а перед ними выступил с проникновенной речью отец Николай Клаас. Интересный момент: верующие стали все чаще обращаться к протоиерею Павлу Калинкину с просьбой разъяснить то или иное происшествие, о котором узнали из прессы. Согласно Калинкину, некоторые из прихожан даже просили его вести рубрику «Церковная жизнь». Однако довольно двусмысленно священник отметил, что должен разъяснять происходящее сам «архиепископ Кингисепский», т. е. владыка Павел. Тем самым, безусловно, нарвский протоиерей вновь намекнул на «просоветские симпатии» архиерея. Наконец, в письме содержались сведения о поездке протоиерея Михаила Рауда в РСФСР: «с 23 по 28 июня с. г. с о. М. Рауд поехали в СССР. Служили и проповедовали в ижорских деревнях Усть-Лужского района. Народу собралось много. Проводы были самые сердечные» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 430. L. 265).

Итак, что мы узнаем из данного письма? Во-первых, у архиепископа Павла были сложные отношения с новой настоятельницей Пюхтицкого монастыря Алексией. Она же продолжила линию своей предшественницы и осталась верна церковным властям в Таллинне. Во-вторых, вокруг протоиерея Павла Калинкина «группировались» многие значимые в городе церковные мероприятия. К числу их относятся: панихида по отцу Константину Колчину и празднование 20-летия перехода в Константинополь. В-третьих, протоиерей Павел Калинкин показывал степень доверия к нему нарвских мирян. Он подчеркивал, что являлся в какой-то степени главным «специалистом» по связанным с религиозной спецификой вопросам. Наконец, и нам кажется этот момент самым важным, протоиерей Павел Калинкин подтверждал, что совершал и в 1943 г. поездки для окормления «подсоветских территорий». В связи с этим можно утверждать, что по крайней мере те приходы, которые входили в состав нынешнего Кингисепского района Ленинградской области, относились к юрисдикции митрополита Александра (Паулуса).

Информация о протоиерее Павле Калининке есть и в письме правления Пюхтицкого Успенского монастыря в адрес митрополита Александра: «Правление Пюхтицкого Успенского Женского Монастыря всепочтеннейше просит Вас, Ваше Высокопреосвященство, пожаловать на храмовый праздник Успения Пресвятой Богородицы в Обитель и принять участие в Богослужениях 27 и 28 августа с. г. и своим присутствием возвеличить и возглавлять торжественное празднество. Очень рады будем принять Вас, дорогого гостя и Отца, и просим, если угодно будет Вам прибыть, то заранее об этом благоволите сообщить нам. 14 и 15 августа был и служил у нас Венкольский о. Михаил Рауд, народу никого не было. Хотел быть у нас о. Павел Калинин, со своими прихожанами, но не получил пропуск» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 297). Итак, монастырь, по крайней мере на конец лета 1943 г., принадлежал к юрисдикции митрополита Александра. Его насельницы приглашали к себе именно главу Эстонской митрополии и находились в оппозиции архиепископу Павлу. Также в письме упомянуты два священника, которые придерживались той же позиции — Михаил Рауд и Павел Калинин. Отказ в пропуске последнего мог быть связан и с юрисдикционным противостоянием, хотя подтверждение этому найти не удалось.

Еще более ранний документ, обнаруженный в архиве, состоит из более пространного списка духовенства, верного митрополиту Александру и планировавшего собраться в Пюхтицком монастыре на праздник Успения. Из письма нам удалось узнать, что настоятельница монастыря ездила в эстонскую столицу для встречи с митрополитом Александром. Эта поездка была совершена, в том числе для того, чтобы развеять «тревожные слухи» о возможном переходе обители в ведение Прибалтийского экзархата. Данная информация распространялась владыкой Павлом (Дмитровским) особенно активно в середине 1943 г.

Назывались в письме и фамилии тех священников, которые должны были принять участие в торжествах на праздник Успения: «По желанию духовенства благочиния, в день Успения, 28-8 состоится у нас собрание нашего Вирского благо-

чиния — тогда соберутся о. прот. А. Мянник, о. Р. Тане, о. пр. П. Калинин, о. А. Захаров, о. А. Гуковский, о. Константин из Кохтлы. Будем приглашать и Владыку Митрополита Александра. Я лично буду приглашать о. Епископа Петра. Ныне, наверно, будет на праздник много народу. М.б.с. этого ничего и не выйдет, но сделаем, что можем» (ЕАА. F. 1655. No. 3. S. 430. L. 283-arr.). Интересно, что кроме посещения монастыря был запланирован приезд владыки Александра в приход в Скамью, а затем митрополит Таллиннский должен приехать на пароходе в Нарву и затем в Таллинн.

Митрополита Александра (Паулуса), как видно из письма, хотели видеть несколько приходов. Один из главных здесь — русский приход в Скамье. Безусловно, подобного рода архипастырский визит обозначил бы значимость главы Эстонской митрополии и его не сохранившееся среди православных региона влияние. Именно поэтому упомянута и Нарва. Вполне возможно, что приезд сюда мыслился тоже как своеобразная демонстрация силы со стороны сподвижников митрополита Александра. К тому же его приезд стал бы лучшим опровержением как тезиса о том, что в самом Пюхтицком монастыре существуют разные мнения по поводу отношения к власти Прибалтийского экзарха, так и того, что в регионе растет авторитет архиепископа Павла. Важен и еще один сюжет: упоминание епископа Печорского Петра (Пяхкеля). Будучи священником, именно он начал движение за отделение от промосковских церковных властей в условиях нацистской оккупации. В начале августа 1943 г. в Таллинне митрополит Александр (Паулус) и находящийся на покое архиепископ Николай (Лейсман) хиротонисали Пяхкеля в епископы. Факт общения с ним монахинь и духовенства Нарвы и Принаровья — еще один важный символ влияния «александровской» партии.

В какой-то степени лето — осень 1943 г. стали важным рубежом в противостоянии двух групп духовенства Нарвы и Принаровья. С одной стороны, архиепископ Павел не мог приумножить количество верных ему приходов и подчинить себе Пюхтицкий монастырь. С другой стороны, и сторонники митрополита Александра уже определились, и среди них

не появлялось новых лиц. Противостояние продолжалось и на соседних территориях Северо-Запада России. В данном случае можно говорить о существовании двух партий: «таллиннской» и «нарвской». Основным аргументом первой было неприятие просоветских заявлений митрополита Сергия (Страгородского) и его экзарха. Вторая же позиция, наоборот, говорила о том, что принадлежность к московским церковным властям — единственная правильная и каноничная позиция.

Известно, что отец Павел при эвакуации в эстонскую столицу продолжил переписываться с главой Эстонской Апостольской Православной Церкви. Весной 1944 г., когда Нарва уже была освобождена советскими войсками, отец Павел писал митрополиту Александру: «Достопочтеннейший Владыка! Сообщаю Вам, что я жив и здоров. Бесконечно рад, что и Вас Господь сохранил в страшную ночь с 9 на 10 марта. Об этом я узнал сразу же после катастрофы. Заходил в канцелярию Синода два раза, но Вас не застал. А между тем дочь моя стала умолять меня выехать из Таллинна, что я и должен был сделать, принимая внимание ея слабое здоровье. По указанию Е. Ф. Егоровой я выехал в Vändra, где и получил комнату у ее знакомых. Здесь жить, по-видимому, можно, но без дела скучно. Сегодня побывал у о. У. Уйбоканд и свизитировал к вдове священника, проживающей в церковном доме. Так как здесь появилась русская колония русских беженцев, то я просил их разрешения временами принимать участие в службах на двух языках. Матушка, она же и регентша, согласна и написала об этом о. Благочинному, а я пишу Вам и прошу Вашего благословения. Заведующий приходом священник будет здесь только во II день Пасхи. В Ревель вернусь при первой возможности. Прошу Ваших молитв. Хранит и Вас Бог» (ЕАА. Ф. 1655. No. 3. S. 435. L. 83).

23 марта 1944 г. последовал ответ митрополита Александра, в котором он дал свое благословение на служение своего сторонника в Вяндрской церкви для русских беженцев, но вместе с тем он дал понять, что отец Павел нужен ему теперь в Таллинне: «Охотно дам Вам благословение на совершение богослужений в Вяндрской церкви для проживающих в местечке Вяндре и ее окрестностях русских беженцев. Вместе с сим

сообщаю, что Ваше пребывание было бы очень желательно в Таллинне для организации церковной жизни проживающих здесь православных русских людей нашей Митрополии, особенно, например, для приведения в годный для совершения богослужений вид храма здешняго Пюхтицкого подворья, который хотя довольно сильно пострадал во время последней бомбардировки, но все-таки сравнительно при небольших затратах был приведен в исправный вид. Молитвенно желаю Вам благословения Божия и всего доброго» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 84). 20 апреля 1944 г. митрополит Александр принимает решение назначить протоиерея Павла Калинкина благочинным всех входящих в состав Эстонской митрополии русских беженцев с формулировкой «для организации их религиозной жизни» (ЕАА. Ф. 1655. №. 3. S. 430. L. 86).

Отец Павел не вошел в число православных священнослужителей Эстонии, которые покинули пределы Отечества и переехали вместе с митрополитом Александром в Германию (многие из них смогли впоследствии стать известными пастырями в среде эстонского православного рассеяния)⁴⁴. Между тем назначение апреля 1944 г. свидетельствует, что митрополит Александр не желал упускать ситуацию с русскими приходами на «самотек» в завершающий период нацистской оккупации. Известно, что многие русские священники самого Таллинна, такие как Георгий Алексеев и Иоанн Богоявленский, подозревались оккупантами в недояльности, также они все больше дрейфовали в сторону Прибалтийского экзархата. Пребывание же такой «стратегически» важной для своей юрисдикции фигуры, как отец Павел Калинкин, в Вяндре, на расстоянии более 100 километров от эстонской столицы, не отвечало интересам митрополита Александра (Паулуса).

Однако отец Павел остался в Таллинне и не стал важной фигурой для русских сторонников ЭАПЦ в эмиграции. Теперь ему необходимо было свыкнуться с тем, что во главе Епархии стоял его основной оппонент — архиепископ Павел (Дмитровский). Для протоиерея Павла Калинкина начался про-

⁴⁴ Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48.

должительный период «воссоединения» с Москвой. Теперь Павел Калинин отмечал, что в период нацистской оккупации занимался приходскими вопросами, которых стало больше «с прибытием военнопленных», а также «занимался ремонтом пострадавших от снарядов крыш».

А вот как архиепископ Павел (Дмитровский) характеризовал священника Калинкина после освобождения Эстонии от нацистов в своем составленном в адрес священноначалия 10 ноября 1944 г. «Кратком очерке состояния Православной Церкви во время властвования в ЭССР немецких оккупантов»: «Он состоял священником Нарвского Преображенского (Кафедрального) Собора и несмотря на это, едва только обозначилось наше разделение, стал очень энергично агитировать среди духовенства и мирян против Церкви-Матери. Так как я призывал верующих непоколебимо держаться Русской Православной Церкви и ни при каких обстоятельствах не изменять ей, о. Калинин внушал всем, что мы должны следовать не за Патриаршим Местоблюстителем и его Экзархом, а за «своим» Митрополитом Александром. По его инициативе группа нарвских священнослужителей подала м.[итрополиту] Александру заявление о том, что они желают выйти из состава духовенства Нарвской Епархии и перейти в Таллинскую. Заявление это никаких последствий не имело. По деревенским приходам о. Калинин рассылал свои письма, в которых утверждал, что Митрополит Экзарх — «чекист», присланный к нам большевиками, что в России и Церкви никакой нет. Все это вместе взятое вынудило меня перевести его из Собора в Нарвскую Св.-Троицкую церковь. Несколько раз я убеждал его исполнить мое постановление о перемещении, но о. Калинин резко отказался это сделать, вследствие чего я, чтобы не делать соблазна другим священнослужителям, запретил его в священнослужении. Тогда о. Калинин перешел к м.[итрополиту] Александру, который не только разрешил ему служить, но и оказал особое доверие»⁴⁵.

⁴⁵ Архив ЭПЦ, Краткий очерк состояния Православной Церкви во время властвования в ЭССР немецких оккупантов. Л. 6.

Из послужного списка протоиерея Павла Калининца мы узнаем, что с конца 1942 г. и по 1 февраля 1944 г., дня эвакуации Нарвы, священник исполнял настоятельские обязанности при Нарвской Кренгольмской (фабричной) Воскресенской церкви⁴⁶. Любопытный и очень важный нюанс: в документе указано, что Кренгольмская церковь находилась в ведении Митрополита Таллиннского и Всея Эстонии Александра (Паулуса). Тут же отмечено, что в каноническое общение с Московской Патриархией протоиерей Павел Калинин воссоединен 13 апреля 1946 г.

Через два года последовали указы священноначалия, в результате которых пребывание отца Павла Калининца на Симеоновском приходе эстонской столицы были поставлены под сомнение. 13 июля 1948 г. последовал указ № 381 епископа Таллиннского и Эстонского Исидора (Богоявленского). Из него следует, что Постановлением Печорского Совецания Епископов от 29–30 августа 1943 г. отец Павел был лишен сана. Также было отмечено: «Вами доселе не представлено документа о снятии с Вас означенного наказания; следовательно, означенное постановление в данный момент сохраняет свою силу и значение. Почему я предлагаю Вам немедленно прекратить всякое священнодействие. Рекомендую Вам возможно скорее начать ходатайствовать пред СВЯТЕЙШИМ ПАТРИАРХОМ и Священным Синодом о выяснении Вашего дела, о снятии с Вас означенного наказания и о восстановлении Вас в правах иерейского священнодействия»⁴⁷.

Однако уже в следующем месяце ситуация для протоиерея Павла Калининца изменилась в лучшую сторону. 5 августа 1948 г. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий I (Симанский) направил епископу Исидору телеграмму следующего содержания: «Епископу Исидору. С мнением Вашего Преосвященства согласен Бог благословит Служение Церкви Божией протоиерея Павла Калининца неизменным усердием»⁴⁸.

⁴⁶ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 7.

⁴⁷ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 8.

⁴⁸ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 9.

10 августа 1948 г. последовал Указ епископа Исидора за № 422: «Согласно этой телеграмме предлагаю Вам продолжить церковное служение в иерейском сане»⁴⁹. После разбирательства отец Павел вернулся к служению.

В дальнейшем служение протоиерея Павла Калининка продолжило складываться довольно успешно. 9 августа 1950 г. Резолюцией за № 2516/26 митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) пастырь был назначен настоятелем Николаевской церкви Таллинна с оставлением настоятельства Симеоновской церкви города⁵⁰. 22 февраля 1951 г. Резолюцией за № 571/26 митрополит Григорий утвердил Калининка настоятелем Николаевской церкви и освободил от настоятельства Симеоновской церкви⁵¹. Однако летом следующего 1952 г. епископ Таллинский и Эстонский Роман (Танг) уволил протоиерея Павла Калининка за штат, поставив настоятелем Николаевской церкви иеромонаха Вениамина (Титекина)⁵². Через месяц, 5 августа 1952 г., владыка Роман назначил отца Павла ключарем Александро-Невского собора, определив ему 500 рублей жалования из фонда Московской Патриархии в Таллинском и Эстонском Епархиальном Управлении⁵³.

7 марта 1955 г. сверх штата отец Павел причислен к причту Александро-Невского собора. В следующем 1956 г. в связи с болезнью отца Василия Веревкина, временно настоятелем этой знаменитой таллиннской церкви стал протоиерей Павел Калинин⁵⁴.

6 февраля 1959 г. «по собственному прошению» священник освобождается от временного исполнения должности настоятеля Николаевской церкви в Таллинн-Копли и вместо

⁴⁹ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 9.

⁵⁰ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 10.

⁵¹ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 11.

⁵² Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 12.

⁵³ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 13.

⁵⁴ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 15.

него был назначен священник Василий Лысак из кафедрального собора⁵⁵.

23 января 1959 г. отец Павел писал священноначалию, что хочет освободиться от должности, так как 25 января исполняется 61 год «служения Церкви Божией в качестве учителя церковных школ, законоучителя и приходского священника. Столь продолжительное служение мое и преклонный возраст с весьма расстроенным здоровьем заставляют просить Ваше Преосвященство об увольнении за штат»⁵⁶. Также пастырь просил назначить ему ежемесячное пособие на лечение, чтобы «прожить последние дни своей жизни без острой нужды»⁵⁷.

Свой земной путь протоиерей Павел Калинин окончил 4 июня 1961 г. Упокоился священник на главном православном кладбище эстонской столицы — Александро-Невском.

Говоря о столь многогранной и во многом авантюрной личности, как протоиерей Павел Калинин, стоит сказать о нескольких моментах. Деятельность этого протоиерея в годы нацистской оккупации во многом переворачивает наше представление о положении дел в Нарвской епархии. В традиционно русской части Эстонии нашелся русский же священник, который выступил против перехода собственного епархиального архиерея в Прибалтийский экзархат. Достаточно локальный, во многом личный конфликт между священником Павлом Калининским и владыкой Павлом (Дмитровским) вылился в уход существенной части духовенства из подчинения архиепископа Павла. Несмотря на то, что после освобождения Нарвы владыка Павел всячески приуменьшал масштабы неподчинения, как отец Павел Калинин, так и целый ряд других «русских пастырей», доставляли ему множество проблем. Важно отметить, что в качестве аргументов выдвигались и чисто канонические споры, такие как вопрос о календаре и отношении к русскому православию.

⁵⁵ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 16.

⁵⁶ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 17.

⁵⁷ Архив Эстонской Православной Церкви Московского Патриархата. Дело Павел Калинин. Л. 17.

Безусловно, что подобного рода аргументы носили политико-юрисдикционный характер, особенно обострившийся в период войны и нацистской оккупации.

Особую роль сыграла и сама личность отца Павла Калинкина. Авантюрист, склонный к интриге, он сумел организовать оппозицию многим решениям епископа Павла, не брал последнего в расчет, грубил и не выказывал необходимого почтения. Когда же епископ Нарвский принял решение остаться верным экзарху Сергию (Воскресенскому), то отец Павел стал крайне притягательной фигурой для митрополита Александра (Паулуса). Благодаря отцу Павлу он знал, какие события происходят в Нарве, какие настроения бытуют среди местных русских и что предпринимают местные русские священники и миряне. Надо отметить, что и епископ Нарвский был вспыльчив и излишне груб ко вверенному ему духовенству. Боязнь потерять и так не самый высокий авторитет среди местного духовенства стал свидетельством страха перед отстранением, особо проявившимся в переписке между епископом и протоиереем, а также епископом и митрополитом Александром. Определенная часть русских пастырей Нарвы и Принаровья отвернулась от него, не видя авторитета в епископе, а также не желая подчиняться Прибалтийскому экзарху, видя в нем «московское влияние». В этой связи почти 20 лет управлявший Эстонской Церковью митрополит Александр казался более авторитетным архиереем, к тому же к его возглавлению многие привыкли и в русских приходах Эстонии.

Понадобился митрополиту протоиерей Павел Калинкин и впоследствии, когда нацисты стали отступать по территории Эстонии, и священник оказался ближе к Таллину для обслуживания большего числа русских беженцев, попадавших вглубь эстонской территории. Если бы не успехи Красной Армии и стремительная эвакуация, не известно, какая судьба ждала протоиерея Павла Калинкина в эмиграции.

Казалось, священник не сможет определить свое место в условиях советизировавшейся Эстонии. Однако после смерти архиепископа Павла (Дмитровского) у него довольно быстро получилось найти себя в среде православного духо-

венства Эстонии, долгое время он занимал ключевые приходы в эстонской столице.

Жизнь протоиерея Павла Калинкина, особенно период его служения во время Второй мировой войны и нацистской оккупации, выразительно показывает изменчивость положения духовного лица в минувшем столетии, те опасности, которые представляли церковные разделения и личные конфликты. Наконец, жизнь протоиерея Павла Калинкина является прекрасной иллюстрацией изменчивости церковной и государственной политики. Разделение и отход от московских церковных властей не означал «вечного» запрещения. Как раз наоборот, в новых условиях, когда советская власть пришла всерьез и надолго, церковные власти «простили» протоиерея Павла Калинкина. Самое примечательное, что отношение церковных и светских властей как к нему, так и к епископу Павлу было практически идентичным. Оба они служили на оккупированных территориях и поэтому попадали под подозрения властей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Гаврилин А., Пазане Б. Православная Церковь в XX столетии в балтийских странах: Эстония, Латвия, Литва // Православная Церковь в Восточной Европе. Киев: [Б. и.], 2010. С. 263–287 [Gavrilin A., Pazane B. [Pravoslavnaya Cerkov' v XX stoletii v baltijskix stranax: E`stoniya, Latviya, Litva // Pravoslavnaya Cerkov' v Vostochnoj Evrope [Orthodox Church in the XX century in the Baltic Lands: Estonia, Latvia and Lithuania // Orthodox Church in Eastern Europe]. Kiev, 2010. P. 263–287].

2. Григорий Д. Папатомас, архим. Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране. Богословская правда о Православной Церкви Эстонии. Таллинн, 2007 [Grigoriĭ D. Papatomas, arch. [Neschast'e byt' malen'koju cerkov'yu v malen'koĭ strane. Bogoslovskaya pravda o Pravoslavnoĭ Cerkvi E`stonii [Tragedy to be a small church in a small country. The theological truth about the Orthodox Church of Estonia]. Tallinn, 2007].

3. Ильяшевич В. Н., Мянник С. Г. Архипастыри земли Эстонской X–XXI столетия. Таллинн, 2013. [Illyashevich V. N., Mannik S. G. [Arxipastyri zemli Estonskoj X–XXI stoletiya [Archbishops of Estonia in X–XXI centuries]. Tallinn, 2013].

4. Кинстлер А. Прибалтийская православная тема в Архиве Германской Епархии РПЦЗ // Православие в Балтии. 2015. № 3 (12). С. 11–48. [Kinstler A. [Pribaltijskaya pravoslavnaya tema v Arhive Germanskoj Eparhii RPCZ [Baltic Orthodox theme in the Archive of German and Berlin Eparchy of Russian Orthodox Church Outside of Russia] // Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands. 2015. No. 3 (12). P. 11–48].

5. Мусаев В. И. Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб., 2018. [Musaev V. I. Pravoslavie v Pribaltike v 1890–1930-e gg. [Orthodoxy in the Baltic Lands in 1890-1930]. Saint-Petersburg, 2018].

6. Мянник С. Архиепископ Павел (Дмитровский) // Православие в Балтии. 2014. № 2 (11). С. 81–93. Mannik S. [Archiepiskop Pavel (Dmitrovskij) [Archbishop Pavel (Dmitrovski) // Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands. 2014. № 2 (11). P. 81–93].

7. Мянник С. Митрополит Таллинский и вся Эстонии Александр (Паулус) // Православие в Балтии. 2018. № 8 (17). С. 123–147. [Mannik S. Mitropolit Tallinnskij i vseya E`stonii Aleksandr (Paulus) [Metropolitan of Tallinn and All Estonia Alexander (Paulus)] // Pravoslavie v Baltii == Orthodoxy in Baltic Lands. 2018. № 8 (17). P. 123–147].

8. Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) в 1938–1939 гг. / Публ. Т. К. Шор. // Православие в Балтии. 2016. № 4 (13). С. 203–213. [Osmotr pravoslavnyx cerkvej Prichud`ya episkopom Narvskim Pavlom (Dmitrovskim) v 1938–1939 gg. / publ. T. K. Shor. [Inspection of the Orthodox churches of the Narva by Bishop Pavel (Dmitrovsky) of Narva in 1938–1939] // Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands. 2016. No. 4 (13). S. 203–213].

9. Письма митрополита Таллинского и вся Эстонии Александра (Паулуса) митрополиту Рижскому и вся Латвии Августину (Петерсонсу) и протоиерею Иоанну Свемпу, написанные в 1941–1943 гг. // Православие в Балтии. 2014. № 2 (11). С. 147–171. [Pis'ma mitropolita Tallinnского i vseya E`stonii Aleksandra (Paulusa) mitropolitu Rzhskomui vseya Latvii Avgustinu (Petersonsu) i protoiereyu Ioannu Svempu, napisanny'e v 1941–1943 gg. [Letters of Metropolitan Alexander (Paulus) of Tallinn and All Estonia to Metropolitan Augustine of Riga and All Latvia (Petersons) and Archpriest John Svemp, written in 1941–1943] // Pravoslavie v Baltii = Orthodoxy in Baltic Lands. 2014. No. 2 (11). P. 147–171].

10. Попов И. В. Пастырь из Ложголово. Протоиерей Николай Недремский // Санкт-Петербург. епарх. ведомости. 2002. № 26–27. С. 113–116 [Popov I. V. [Pastyr' iz Lozhgolovo. Protoierej Nikolaj Nedremskij [Priest from Lozhgolovo Nikolaj Nedremskij] // Sankt-

Peterburgskie eparxial'ny'e vedomosti = Saint Petersburg diocesan journal. 2002. No. 26–27. P. 113–116].

11. Православие в Эстонии. Т. 1. Исследования / Под ред. прот. Н. Балашова, С. Л. Кравца. М., 2010. [Pravoslavie v Estonii. T. 1. Issledovaniya / pod red. prot. N. Balashova, S. L. Kravecza [Orthodoxy in Estonia. V.1. Researchers]. Moscow, 2010].

12. Православие в Эстонии XX–XXI столетия. Имена личные и храмы. Энциклопедический справочник / Сост. В. Илляшевич. Таллинн, 2014 [Pravoslavie v Estonii XX–XXI stoletiya. Imena lichny'e i khramy. Enciklopedicheskiy spravochnik / sost. V. Ilyashevich [Orthodoxy in Estonia of the XX–XXI centuries. Personal names and temples. Encyclopedic reference]. Tallinn, 2014].

13. Прекуп И., свящ. Православие в Эстонии. Краткий исторический очерк. Таллинн, 1998 [Prekup I., archpriest. [Pravoslavie v E'stonii. Kratkii istoricheskii ocherk [Orthodoxy in Estonia. A brief historical essay]. Tallinn, 1998].

14. Прекуп И., прот., Балашов Н., прот. Проблемы Православия в Эстонии. О книге архимандрита Григория Папатомаса «Несчастье быть маленькой церковью в маленькой стране». Таллинн, 2013. [Prekup I., archpriest., Balashov N., archpriest Problemy Pravoslaviya v Estonii. O knige arhimandrita Grigoriya Papatomasa «Neschast'ye by't malen'koj cerkov'yu v malen'koj strane. [The Orthodox problems in Estonia. About Grigoriĭ D. Papatomas, arch. book «Tragedy to be a small church in a small country». Tallinn, 2013].

15. Шкаровский М. В., Соловьев И., свящ. Церковь против большевизма. М., 2013. [Shkarovskii M. V., Solov'ev I. Cerkov' protiv bol'shevizma [The Church against Bolshevism]. Moscow, 2013].

16. Alexander (Paulus). The truth about Archbishop Sergius. An NKVD undermining Estonian church life (1943/1950) // Palli M. H., Papathomas G. D. The Autonomous Orthodox Church of Estonia. L'Eglise autonome orthodoxe d' Estonie. Approche historique et nomocanonique. Thessaloniki, 2002. P. 186–195.

17. Dallin A. German rule in Russia. 1941–1945. A study of Occupation Policies. New York, 1957.

18. Fireside H. Icon and swastika. Cambridge, 1971.

19. Kahle W. Die Orthodoxie im baltische Raum // Kirche im Osten. 1978/1979. Band 21/22. S. 78–107.

20. Miner S. M. Stalin's Holy War: Religion, Nationalism and Alliance Politics, 1941–1945. Chapel Hill, 2003.